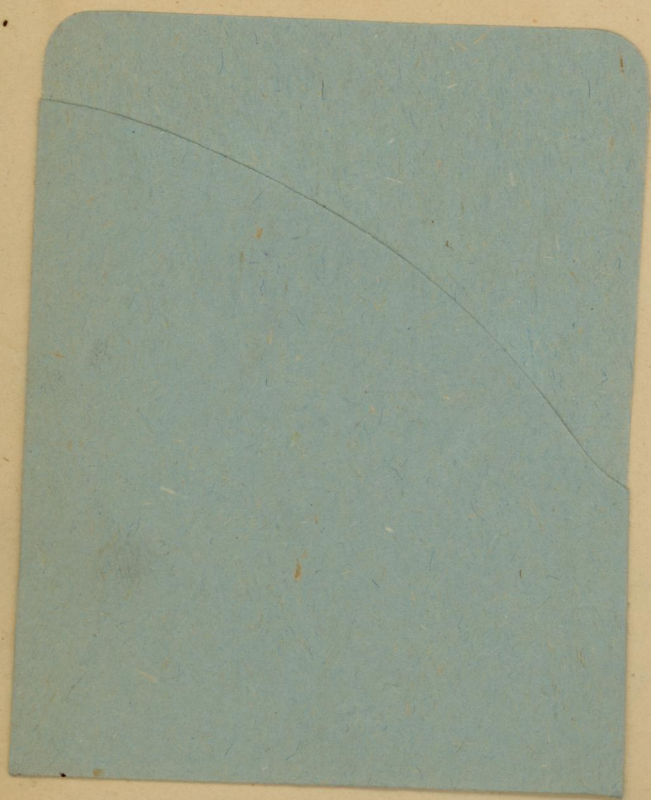

НЕ ПОДАТЬСЯ

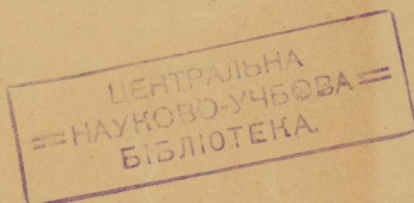
K-789 а.с.

466317

~~466317~~

7

К-789 я.с.

ЯНЪ СОБЪСКІЙ.

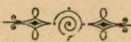
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

И. КРАШЕВСКАГО.

466314

1934

~~211-793~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Графія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.
1899.

58

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1899 г.

Мнѣ и въ голову не приходило пускаться въ описаніе событій, въ которыхъ я принималъ личное участіе, и если я теперь берусь за перо, то только потому, что меня объ этомъ усиленно просятъ дѣти и друзья, которымъ хочется, чтобы я оставилъ на память потомству описаніе тѣхъ приключеній, о которыхъ я часто имъ рассказывалъ. Я вовсе не намѣренъ обращать вниманіе на мою ничтожную особу, такъ какъ подобныхъ мнѣ — тысячи, но разъ Господу Богу угодно было, чтобы я принялъ участіе въ великой и славной побѣдѣ надъ турками подъ стѣнами Вѣны, о которой не слѣдуетъ забывать, то я и осмѣлился написать кое-что о видѣнномъ мною. Надѣюсь, что читатели великодушно простятъ мнѣ, если при изложеніи событій я скажу нѣсколько словъ и о себѣ.

Мои родители были мазуры и происходили изъ той мѣстности, гдѣ давно уже поселились Болесты, которымъ мазовецкій князь Земовитъ даровалъ большія привилегіи, о чемъ говорятъ наши историки, повѣствуя также о томъ, какъ Болесты, размножась, разбрелись по всей Польшѣ. Дѣйствительно, въ настоящее время едва ли найдется уголокъ, гдѣ бы не было кого-нибудь изъ нашего рода. Старикъ Нововейскій, называвшійся также Ястребцомъ или Болестою, говорилъ, что насъ слѣдовало бы считать скорѣе отдѣльнымъ племенемъ, чѣмъ родомъ, — такъ мы были многочисленны въ Польшѣ. Объ Ястребцахъ въ старинныхъ хроникахъ упоминается еще до Кривоуста; поэтому, начало нашего рода надо отнести къ языческимъ временамъ. Я вовсе не хочу хвастаться, — сохрани Богъ! — но не вижу надобности и умалчивать о томъ, что касается моего рода. Уже въ то время, когда въ 1408 году Зе-

мовить далъ намъ привилегію, которая увольняла всѣхъ Болесловъ, жившихъ тогда въ Мазовецкомъ княжествѣ, отъ всякой юрисдикціи, кромѣ княжескаго суда. Ихъ была тамъ цѣлая тѣма; жили они въ деревняхъ, отъ которыхъ и приняли свои фамиліи. Такъ, напримѣръ, и мы, Мрочки, происшедшіе отъ Мрочки или Мручислава, подписывались „изъ Луковца“ и нѣкоторые изъ насъ назывались Луковецкими. Также всѣ роды Ястребцовъ, которыхъ можно было насчитать нѣсколько сотъ подъ разными фамиліями, носятъ и носили одинъ гербъ, развѣ только съ небольшимъ измѣненіемъ: на щитѣ подкова и крестъ, а на шлемѣ ястребъ или кобчикъ съ путами на ногахъ, такъ, какъ ихъ употребляли на охотѣ. И могли бы эти Болеслы быть сильными, если бы единодушно поддерживали другъ друга; но, со времени несчастнаго убійства св. Станислава, Господь Богъ, должно быть въ наказаніе, раздѣлилъ ихъ роды, такъ что они уже не знаютъ другъ съ другомъ, какъ родные, и каждый самъ по себѣ, хотя всѣ принадлежатъ къ одной семьѣ. Болеслы были замѣшаны въ этомъ несчастномъ убійствѣ съ королемъ Болеславомъ Щедрымъ, какъ его приближенные, за что у нѣкоторыхъ изъ нихъ отняли потомъ фамиліи и дворянство, а послѣ опять возвратили. Послѣ этого случая родъ уже никогда не могъ подняться до своего прежняго величія и впалъ въ бѣдность, а потомки тѣхъ, которые запятнали себя святою кровью, всегда имѣли въ своей семьѣ одного безумнаго, какъ живое свидѣтельство своего безумія.

Какъ я слышалъ отъ отца, который помнилъ своего дѣда, старики ручались, что у Мрочковъ ничего подобнаго не случилось, — доказательство, что мы не были на Скалкѣ, гдѣ лилась невинная кровь мученика, и не запятнаны ею. Во всякомъ случаѣ, мы принадлежали къ роду и имѣли одинаковую съ нимъ судьбу, потому что намъ не везло, несмотря на усердный трудъ. Мрочки изъ Луковца, какъ многіе другіе Ястребцы, давно уже ушли изъ родимаго угла, а намъ пришлось владѣть кускомъ земли въ Полѣсьи, около Буга, куда переѣхалъ прадѣдъ послѣ женитьбы на Павлицкой, послѣ которой досталась ему деревенька въ этомъ краѣ. Покойный отецъ мой, Павелъ, явился тамъ на свѣтъ и я тоже родился на Павлицкой горѣ 23 іюня 1657 г., въ несчастное царствованіе Яна-Казимира. Однако, я

не помню этого печального времени, такъ какъ это были мои младенческіе и дѣтскіе годы, а съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, у насъ уже все немного поправилось, но только не въ нашей семьѣ, такъ какъ мы потеряли нашу горю, которую у насъ отобрали за старый долгъ послѣ несправедливаго процесса, вслѣдствіе чего мой отецъ умеръ съ горя, не умѣя выпутаться изъ бѣды. Матери пришлось скитаться со мною по чужимъ мѣстамъ; мало, что удалось спасти, кромѣ движимости, да и то разошлось. У меня былъ дядя, человѣкъ не очень богатый, жившій въ своемъ имѣніи; но онъ мало заботился о моей судьбѣ и совсѣмъ не думалъ принимать насъ съ матерью. Мать проживала у своей сестры Завицкой изъ милости, а это всегда бываетъ тяжело, даже у родныхъ. Я не стану рассказывать того, что она тамъ вынесла и вытерпѣла. Меня посылали въ школу вмѣстѣ съ Завицкимъ. Прости имъ, Господи! Я былъ чуть не лакеемъ моего двоюроднаго брата, да еще долженъ былъ успѣвать учиться. Мое ученье пришлось какъ разъ въ то самое время, когда король по собственной волѣ отрекся отъ престола, а потомъ выбрали на его мѣсто Михаила. Но великія предсказанія о Пястѣ не сбылись, и пчелы, которые сидѣли во время выборовъ, не сдѣлали меду. Я пропущу это время, потому что мало могу рассказать о немъ, такъ какъ не видѣлъ ничего, кромѣ своей школьной книжки. Только потомъ у меня въ глазахъ немного прояснилось, а въ королевствѣ уже шло лучше со вступленіемъ на престолъ славнаго побѣдами гетмана, котораго намъ и было нужно.

Благодаря протекціи моихъ родныхъ, которые, можетъ быть, хотѣли отъ меня отдѣлаться, я очень рано началъ рыцарскую карьеру; шло у меня дѣло недурно, и какъ я сталъ извѣстенъ и заслужилъ доброе имя, про то знаютъ люди, но это неинтересно.

Я возвращаюсь къ тѣмъ временамъ, о которыхъ мнѣ бы хотѣлось оставить память, къ болѣе зрѣлымъ годамъ, когда я былъ уже записанъ въ реестръ и началъ свою службу. Не дождалась моя добрая мать переменъ въ моей плохой отроческой судьбѣ и почти годомъ раньше дяди, отъ котораго досталась мнѣ деревенька, умерла у Завицкихъ.

Она давно уже хворала. Когда ей стало хуже и она по-

чувствовала приближеніе смерти, то пожелала повидаться со мною и благословить меня. Для меня пожалѣли посланнаго; а я былъ въ то время со своимъ полкомъ въ Руси. Да простить имъ Богъ! Трудно мнѣ было забыть эту обиду. Умерла бѣдная мать въ такой же нуждѣ, какъ и жила; ей даже не справили приличныхъ похоронъ и погребли ее, не какъ близкую родственницу, а почти, какъ служанку, безъ всякой торжественности, съ однимъ ксендзомъ. Впослѣдствіи я отслужилъ торжественную панихиду, на которую приглашалъ Завицкихъ; но они, вѣроятно, чувствовали себя виноватыми и не рѣшились прійхать.

Сейчасъ же послѣ похоронъ тетка увѣдомила меня письмомъ, что Господь Богъ отозвалъ мою мать въ лучшій міръ и что послѣ нея мнѣ не осталось ничего, кромѣ отцовскаго обручальнаго кольца и образа Ченстоховской Божіей Матери, который я храню, какъ святыню. Поплававши надъ моимъ сиротствомъ, я сказалъ, какъ учила меня покойница: *Sit nomen Domini benedictum* (Да будетъ благословенно имя Господне).

Прошло около года. Я все еще былъ въ полку и притомъ почти одинъ, такъ какъ товарищи мои разѣхались: кто домой, кто къ роднымъ, а мнѣ некуда было и поѣхать, развѣ въ ближайшія имѣнія знакомыхъ. Вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ гонецъ отъ стараго друга отца, пана Яцка изъ Полѣсья, и говоритъ, чтобы я сейчасъ же ѣхалъ къ дядѣ, который выразилъ желаніе видѣть меня передъ смертью, что должно было означать, что онъ имѣлъ какія-нибудь намѣренія касательно меня; старый другъ боялся, что если я этого не сдѣлаю, то Вулька перейдетъ въ другія руки.

По правдѣ сказать, я никогда не рассчитывалъ на это имѣніе, хотя оно и слѣдовало мнѣ по справедливости; дядя насъ не любилъ и былъ окруженъ чужими, которые хорошо соблюдали свои интересы. Однако, слушаясь совѣта пана Яцка, я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Полѣсье, вдвоемъ со слугою Григоріемъ. Но мы не могли особенно спѣшить, потому что время было весеннее, оттепель, снѣгъ едва началъ таять: здѣсь ледъ, тамъ трясина, скользко, грязно, опасно для лошадей и темно по ночамъ. Да и лошади мои были не особенно прытки. Сивый, который былъ у меня, еще ничего, а у Григорія былъ була-

ный, тяжелая кляча съ небольшою одышкою. Потащились мы. Кони поранили себѣ на льду ноги и колѣни, потому что часто падали, хотя и были хорошо подкованы. Потомъ мы должны были лѣчить и перевязывать ихъ въ деревняхъ, и хотя мы не теряли даромъ ни одного часа, всетаки, когда мы пріѣхали въ Вульку, Григорій увидѣлъ, что у кровати горѣли свѣчи, а на ней уже лежалъ дядя.

Вездѣ было пусто, только двое-трое слугъ, старая ключница, управляющій и нѣсколько оборванныхъ мужиковъ были въ домѣ; а отъ тѣхъ друзей, что его опивали и обѣдали, и слѣдъ простылъ.

Когда я увидѣлъ около покойника желтыя свѣчи и плакальщицъ, сердце у меня сжалось. Сойдя съ коня, я прямо вошелъ въ комнату, всталъ на колѣни у постели покойника и началъ молиться, Дядя котораго я давно не видѣлъ, страшно измѣнился; лицо и глаза почти нельзя было узнать; онъ такъ сильно распухъ, что его нельзя было одѣть, а потому былъ только прикрытъ бѣдною, изношенною одеждою. Бѣдно и голо было вокругъ, и я заплакалъ, видя примѣръ непостоянства судьбы. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ эта усадьба была всегда полна веселыми друзьями и пріятелями, а теперь, Боже милостивый! въ послѣдній часъ не было ни одного изъ нихъ при покойникѣ, только я одинъ, прибывшій издалека, котораго онъ и знать не хотѣлъ при жизни.

Не успѣлъ я кончить молитвы, какъ слышу, что кто-то треплетъ меня по плечу; оборачиваюсь, вижу, стоитъ панъ Яцекъ и протягиваетъ ко мнѣ руки. Поздоровавшись, мы вышли вмѣстѣ на дворъ. Гдѣсь еще водилъ лошадей, не зная, что съ ними дѣлать. Началъ меня обнимать старый другъ отца и матери и сначала такъ расплакался, что ничего не могъ сказать, кромѣ одного слова:

— Какъ ты поживаешь?

— Что здѣсь было?—спросилъ я.

— А видишь ли,—сказалъ онъ,—смерть пришла и вымела соръ. Отъ умирающаго разбѣжались всѣ, кто при жизни ухаживалъ за нимъ изъ-за денегъ, обобрали его и ушли. До послѣдняго часа пробылъ одинъ Вояковский, который точилъ зубы на Вульку и думалъ, что онъ ему ее оставитъ. Не знаю, что

случилось съ покойнымъ, но только онъ не хотѣлъ сдѣлать завѣщанія. И такъ, по милости Божіей, досталась эта Вулька тебѣ.

Этого я не ожидалъ, и снова расплакался.

— Не думай, — продолжалъ панъ Яцекъ, — чтобы это было много: маленькая деревушка, есть и долги, а во время болѣзни чужіе растаскали остатки имущества, такъ что остались только стѣны да печка, но и за то благодареніе Богу!

Мы пошли по усадьбѣ, чтобы посмотреть, нельзя ли собрать что нибудь на похороны; у меня въ запасѣ ничего не было. Въ жизнь свою не видалъ я такой пустоты и разоренія. Не во что палецъ завязать, такъ здѣсь хозяйничали, и о чемъ ни спросить, то тотъ, то другой пріятель взялъ, то тому, то другому отдали, когда уже покойный не владѣлъ собою и не выходилъ изъ комнаты. Все было страшно запущено. Мы съ паномъ Яцекомъ только горевали. Это неожиданное владѣніе напоминало аравійскую пустыню. Я былъ въ большомъ смущеніи. Панъ Яцекъ сказалъ мнѣ:

— Пока есть земля и люди, нечего тебѣ отчаяваться.

Но меня мучило то, что покойнику не на что было сдѣлать приличныхъ похоронъ. Мы сейчасъ же поѣхали къ приходскому священнику; я отрекомендовался ему и онъ принялъ насъ въ сѣняхъ, не приглашая въ комнату, такъ какъ собирался уѣзжать, но былъ пріветливъ. Панъ Яцекъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло и въ какомъ мы были затрудненіи. Онъ радъ былъ помочь, но хотя самъ былъ при деньгахъ.

— Это еще не большая бѣда, — сказалъ священникъ: — приличные похороны будутъ и безъ денегъ, это моя обязанность. Мы живемъ церковью, но вѣдь также мы и духовные отцы, и братья, все это дѣлается по братски. А если я могу быть полезенъ на первыя нужды... Вы мнѣ ихъ послѣ отдадите.

Я чуть не поцѣловалъ у него руку, и не грѣхъ бы это было, потому что онъ былъ очень почтенный старикъ и къ тому же лицо духовное. Онъ сейчасъ же провелъ насъ въ комнату, досталъ двѣсти золотыхъ и отсчиталъ ихъ намъ. Я хотѣлъ написать росписку, но онъ не позволилъ, простился съ нами и поспѣшно ушелъ, такъ какъ лошади стояли у крыльца.

Ободренные мы вернулись въ Вулку, и начали хлопотать

о похоронахъ. Они были приличны, безъ особой пышности, но довольно торжественныя, только на нихъ не было почти никого, кромѣ насъ и мужиковъ. Изъ тѣхъ сердечныхъ друзей, что жили въ Вулькѣ цѣлые мѣсяцы не было ни одного.

Когда былъ отданъ послѣдній долгъ покойному, мы пошли съ паномъ Яцкомъ составлять инвентарь и осматривать все что осталось. Работы было немного, такъ обчистили имѣнныя нѣкоторые доброжелатели. Но все-таки они не могли растащить всего и кое-что осталось. Въ комнатѣ, гдѣ покойный привыкъ сидѣть, гдѣ онъ и умеръ не на постели, а въ креслѣ, мебель еще стояла противъ погасшаго камина такъ, какъ ее бросили снимая умершаго. Приходимъ мы туда съ Яцкомъ, а онъ и говоритъ мнѣ:

— Снести бы ее на чердакъ; и мебель плохая и память печальная.

У кресла было старое кожаное сидѣнье, очень вдавленное, потому что на немъ много лѣтъ простоналъ старикъ, рѣдко сходя съ него. Я посмотрѣлъ и отвѣтилъ.

— Я поставлю кресло въ уголъ, пусть хоть оно останется на память. Такъ какъ насъ было только двое въ комнатѣ, то мы взялись за ручки, чтобы сдвинуть кресло съ мѣста.

— Боже мой! — восклицаетъ вдругъ панъ Яцекъ; — это что такое?

Смотрю, а онъ тянетъ изъ подъ сидѣнья запыленный конецъ кошелька, который покойникъ, вѣроятно, держалъ при себѣ на черный день, никому о немъ не говоря изъ страха, чтобы у него этого не утащили. По кошельку видно было, что онъ пролежалъ тамъ не мало времени. Хорошо, что слуги не замѣтили его, а то бы и онъ пропалъ.

— Вотъ тебѣ на обзаведеніе! — воскликнулъ панъ Яцекъ, и мы начали считать.

Было тамъ двѣсти двѣнадцать золотыхъ червонцевъ, одинъ большой дукатъ, вѣсомъ въ десять унцій; и кольцо съ брилліантомъ, величиною съ небольшую горошину; внизу была пожелтѣвшая бумажка съ неясною надписью.

Я почувствовалъ надъ собою руку Провидѣнія и первая моя мысль была отслужить панихиду за душу дяди и наградить священника, а потомъ заткнуть дыры, которыхъ въ этой

несчастной Вулькѣ было больше, чѣмъ всего другого. Такъ какъ мы были вдвоемъ у этого кресла, то никто не узналъ исторіи о кошелькѣ, а мы о нейпромолчали. Потомънанъ Яцекъ переворачивалъ подушки въ сидѣннѣ и внимательно осматривалъ ихъ, но больше уже ничего не оказалось.

Я ободрился и охотно принялся за хозяйство. Трудно мнѣ было сначала въ этой руинѣ, а нужно было спѣшить и какъ нибудь устраиваться, предвидя войну съ турками, такъ какъ Рѣчь Посполитая уже позволила выступить противъ нихъ и мы непременно должны были идти въ этомъ году въ императорскія земли, на которыя напали невѣрные. Всѣ этого ожидали, а я даже ждалъ войны, потому что она могла дать мнѣ удобный случай выслужиться и отличиться въ рыцарскомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ, однако, взявши долгосрочный отпускъ, я, съ помощью и совѣтомъ пана Яцка, взялся за пашню, починку строеній и закупку инвентаря. Я долженъ былъ покупать яровыя сѣмяна, такъ чисто были выметены амбары, а сосѣди меня, убогаго, не пожалѣли и взяли хорошую цѣну; одинъ панъ Яцекъ, награди его Богъ, отъ добраго сердца далъ овса для лошадей, хотя я даже и не просилъ его объ этомъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ сосѣдямъ, которые такъ обижали покойнаго подъ видомъ дружбы, не хотѣлось заводить знакомствъ, но я все же не могъ противиться тѣмъ, которые протягивали мнѣ дружескую руку. А такъ какъ у человѣка не бываетъ только одно горе или одно счастье, потому что то и другое приходить вмѣстѣ, то также случилось и со мною.

Въ Оомино воскресенье мы съ паномъ Яцкомъ поѣхали въ костелъ, гдѣ праздновалась въ этотъ день годовщина освященія. И шляхты и крестьянъ набралось множество; толпа была такая, что трудно было протолкаться. Однако, насъ пропустили и мы стали около главнаго алтаря. Служба была торжественная. Я не могъ показаться въ чемъ попало, придя въ первый разъ,—ну, я и досталъ изъ чемодана все, что было получше, хотя и не очень великолѣпное, но приличное. Я замѣтилъ, что нѣкоторые поглядывали на мою рыцарскую фигуру, хотя я не явился въ латахъ, а только привязалъ саблю и взялъ въ руки копьё, чтобы было на что опереться. Во время

службы я молился усердно, но какъ то нечаянно взглянулъ на рѣшетку, отдѣлявшую главный алтарь, и увидѣлъ колѣнопреклоненную молодую женщину необыкновенной красоты. Какъ только я увидѣлъ ее, она завладѣла моимъ сердцемъ. Въ ней было что-то скромное и вмѣстѣ горделивое, видна было и кровь благородная, и душа высокая.

У меня въ головѣ все смѣшалось и молитвы не шли мнѣ на умъ. Я не могъ оторвать глазъ отъ нея. Панъ Яцекъ замѣтилъ это. Выходимъ мы изъ костела, а онъ мнѣ и шепчетъ на ухо.

— А ты что же это, сударь такъ усердно молился на старостину дочку Елену, усерднѣе, чѣмъ на главный алтарь!

— Гдѣ? какая?

— Ну, не прикидывайся невиннымъ,—говорилъ онъ:—она была около галлерей. Ты вѣрно ее знаешь?

— Я видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни,—сказалъ я:—но вѣрно не забуду до смерти.

— Только ты понапрасну не вздыхай,—отвѣтилъ мнѣ Яцекъ:—сенаторскій домъ, знатность, трое закорныхъ братьевъ, толпа жениховъ, большое приданое и еще какія то записи—это не для тебя. Братъ ея бѣдному малому не отдадутъ.

Я пожалъ плечами. Вижу, идетъ къ священнику цѣлая компанія; туда же шли и мы. Яцекъ дергаетъ меня за рукавъ:

— Вотъ они—Налынчи.

Мы пошли къ ксендзу выпить рюмку водки и закусить, такой уже былъ обычай въ этомъ приходѣ. Ксендзъ любилъ гостей. Комната была полна. Накрыты были столы для мужчинъ и женщинъ, все было обильно, но скромно. Вижу я, и моя новая знакомая панна Елена идетъ съ какою-то пожилою дамою; и всѣ на нее смотрятъ. Здѣсь она показалась мнѣ еще прелестнѣе. На меня, какъ новое лицо, обратились взгляды любопытныхъ; увидали, что я не изъ послѣднихъ и по немногу начали ко мнѣ льнуть. Панъ Яцекъ знакомилъ меня со своими, тѣ съ другими, начались разговоры о войскѣ, о товарищахъ; многіе имѣли тамъ родныхъ и знакомыхъ. Разспросовъ было много. Смотрю, подходятъ къ намъ трое сыновей старосты и съ ними ужасный олухъ, панъ Флоріанъ Хобшинскій, про котораго я уже слышалъ, что онъ первый рубака въ окологдѣ и любить за-

водить ссоры. Они познакомились со мною очень любезно и мы разговорились. Одинъ изъ нихъ, младшій, сталъ звать къ себѣ обѣдать; я не зналъ, что они жили вмѣстѣ съ сестрою, причинъ отговариваться не было. Пана Яцка тоже взяли.

Всѣ мы, какъ были, поѣхали въ ихъ замокъ за полторы мили. Имѣніе у нихъ было великолѣпное, усадьба большая, въ домѣ все благородно и на широкую ногу. Меня сейчасъ же представили и сестрѣ, и другимъ женщинамъ, а также вдовѣ столъника, пани Опольской, о которой я уже прежде много слышалъ. Она также пригласила меня къ себѣ.

Я не могъ подойти къ паниѣ Еленѣ, но смотрѣлъ на нее какъ на солнце; она была необыкновенно хороша. Я видѣлъ не мало женщинъ на свѣтѣ, но такой—никогда. Благородство и кротость соединялись въ ней такъ прелестно. Она сіяла какъ звѣзда. Я ухитрился сказать ей нѣсколько словъ и былъ очарованъ. Послѣ обѣда начались рыцарскія игры: бѣгъ, стрѣльба изъ лука, изъ ружья, изъ мушкета, изъ пистолета и т. д. Мое копье, которое я взялъ случайно передъ отъѣздомъ, очень пригодилось мнѣ. Я умѣлъ владѣть имъ, какъ никто, привывши къ его тяжести, я подбрасывалъ его, какъ тростинку, хотя другіе едва-едва могли его повернуть. Всѣ искренно восхищались моимъ искусствомъ, а также очень дивились, когда я показывалъ имъ, какъ стрѣлять изъ лука, такъ какъ никто изъ нихъ не умѣлъ этого. Они забавлялись лукомъ и стрѣлами, какъ дѣти; я показалъ имъ, что и это своего рода искусство и можно также попадать въ цѣль стрѣлою, какъ и пулею. Ужъ не знаю, было ли имъ пріятно, что я оказался искуснѣе ихъ въ военномъ дѣлѣ, но они должны были признать, что я не даромъ называюсь воиномъ. Подъ вечеръ они стали пить и рассказывать, а мы съ паномъ Яцкомъ незамѣтно выбрались.

Впослѣдствіи меня такъ часто приглашали въ домъ старосты, что трудно было отдѣлаться, но меня тянули туда прекрасные глаза. Случалось и такъ, что я оставался почти вдвоемъ съ панною и ея воспитательницею (матери у нея не было), и мы очень пріятно разговаривали, такъ какъ панна была также умна, какъ и хороша, и рѣчи ея были также прекрасны, какъ лицо. Она была моимъ счастьемъ въ этомъ домѣ, такъ какъ *господа* братья скоро начали на меня коситься. Но я не обра-

щаль на это вниманія, хотя каждый разъ, какъ я думаль, что нерасположеніе братьевъ можетъ изгнать меня изъ этого рая, мнѣ становилось тяжело.

Пока это длилось, я поправляль свою деревеньку съ помощью найденнаго кошелька и покупаль лошадей и разную утварь,—война, о которой говорили весною, все приближалась и приближалась,—уже меня призывали въ войска. Но я написалъ поручику, что я останусь на нѣкоторое время. Тѣмъ временемъ я ѣздилъ къ паннѣ Еленѣ и веселился съ ея братьями, только уже не попрежнему, потому что они все яснѣе показывали мнѣ, что имъ не очень нравилось, когда я подходилъ къ ихъ сестрѣ. Но это уже не могло оттолкнуть меня, потому что дѣла мои съ нею шли очень хорошо и скоро дошло до того, что я признался ей въ любви, на что она ни мало не разсердилась и отвѣтила мнѣ такъ:

— Будьте постоянны и тверды; это чувство принесетъ намъ обоимъ не мало огорченій и затрудненій.

Она не ошиблась.

Когда первый ледъ былъ разбитъ, мы погорили по душѣ о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы довести наше дѣло до конца, и рѣшили, что нужно ждать и не торопиться.

Первая, кто догадалась о томъ, что было между нами, была пани Опольская, которая любила Елену, какъ родную дочь, а такъ какъ она была расположена ко мнѣ, то и въ этомъ указала мнѣ благосклонность, совѣтуя быть твердымъ и терпеливымъ.

Съ каждымъ днемъ говорили больше о походѣ въ Вѣну, на которую шли турецкія войска, подъ предводительствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, чтобы осадить и взять городъ. Шли вѣсти изъ Варшавы о большихъ приготовленіяхъ, а Любомирскій долженъ былъ идти впередъ на помощь прежде, чѣмъ самъ король двинется съ остальнымъ войскомъ.

При томъ положеніи вещей, которое я описаль, мнѣ не очень было пріятно идти подставлять свой лобъ, но я чувствовалъ себя, какъ и всѣ христіанскіе воины. Въ Вулькѣ почти все еще было вверхъ дномъ, какъ послѣ смерти дяди, и я едва имѣлъ время заняться хозяйствомъ... а моя красавица!

Я поѣхаль къ пану Яцку, гдѣ нашель большую компанію,

почти всѣхъ сосѣдей. Тутъ же былъ и панъ Темешъ, пинскій подсудокъ; онъ привезъ извѣстіе, что не сегодня — завтра нужно отправляться въ походъ, и что королевскій дворъ уже началъ готовиться. Я только вздохнулъ: будь, что будетъ *Sit nomen Domini benedictum*.

Много было разговоровъ и мнѣній, какъ часто у насъ бываетъ, были и не согласные. Одни говорили: идти на турокъ, другіе — напротивъ; они говорили, что слѣдовало удержать союзъ и не помогать австрійскому дому, благодарность котораго сомнительна.

Панъ Темешъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, умѣренно попивая вино, и воскликнулъ, стоя на порогѣ:

— Господа, я привезъ призывъ къ ополченію; военная труба зоветъ насъ. Впередъ на язычниковъ съ королемъ Яномъ!

Я замѣтилъ, что у многихъ также, какъ и у меня, поблѣднѣли лица и потемнѣли глаза. Съ минуту длилось глубокое молчаніе. Панъ Яцекъ, который самъ сражался съ турками и татарами, воскликнулъ, поднявши бокаль:

— Выпьемъ за паденіе язычниковъ и величіе христіанства! — Всѣ охотно присоединились къ нему.

Въ честь Темеша и для большого веселья панъ Яцекъ, съ которымъ это рѣдко случалось, велѣлъ выкатить къ камину боченскъ и принести большой бокаль. Когда пошла круговая и началась попойка, я вышелъ бочкомъ изъ комнаты и уже на разсвѣтѣ вернулся въ Вульку.

Когда я въѣзжалъ во дворъ, все показалось мнѣ иначе и такъ мнѣ стало грустно при мысли, что все это придется бросить.

— Было бы тутъ что дѣлать и на что порадоваться, — думалъ я, — если бы удалось превратить въ золотое яблочко эту маленькую и все-таки милую Вульку. Но живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. *Sit nomen Domini benedictum*.

Было это, какъ теперь помню, 10 іюля, въ жаркій день. Вернувшись утромъ съ веселой бесѣды, я не имѣлъ времени выспаться. Солнце всходило, я помылся и пошелъ по хозяйству. Только я вышелъ, смотрю, дерутся два ястреба такъ, что изъ нихъ перья летятъ, да такъ близко отъ усадьбы, что я хотѣлъ уже взять ружье, чтобы помирить ихъ одною пулею, но они улетѣли. Я пошелъ въ конюшню взглянуть на лошадей,

потому что нужно было двухъ подъ верхъ, и еще почтовыхъ для повозки, на случай, если ихъ подстрѣлятъ или они падутъ. Мой сивый, котораго я берегъ и не тревожилъ, чтобы онъ отдохнулъ и поправился, давно уже стоялъ сердитый, повѣсивъ голову; когда я позвалъ его, онъ началъ ржать и бить ногою въ землю и такъ и рвался ко мнѣ. Передъ дорогою я велѣлъ прибавить ему овса и осмотрѣть и подковать всѣхъ лошадей, чтобы онѣ были готовы, какъ только насъ вызовутъ въ походъ.

Вхожу я на дворъ, а за мною бѣжить Гжесь и кричить, что видны гости на дорогѣ. Я обернулся. Смотрю, двое верховыхъ и нѣсколько слугъ въѣзжаютъ прямо въ ворота. Я узналъ старшаго брата панны Елены и того самаго молодца Флоріана, который не могъ ступить, чтобы не заварить каши. Я сейчасъ же подумалъ, что вѣрно что-нибудь есть, коли эти гости удостоили посѣтить мой убогій кровъ; послѣдній разъ, какъ я былъ у нихъ, они смотрѣли на меня очень кисло и одинъ допекалъ меня такими словечками, что во мнѣ все кипѣло. Но все же они были гости и имѣли свои права. Я вышелъ на крыльцо и услышалъ еще въ сѣняхъ, какъ Флоріанъ кричалъ Гжесю, сидя на лошади:

— Панъ дома?

Я вышелъ и мы раскланялись. Они сошли съ лошадей, я хотѣлъ отослать ихъ въ конюшню, но братъ Елены замѣтилъ:

— Нѣтъ, мы сейчасъ поѣдемъ дальше, намъ нужно только сказать два слова.

Я предложилъ имъ войти въ домъ. Они видимо колебались, но хорунжій все-таки не погнушался моею бѣдною хатою и вошелъ въ домъ, а за нимъ и панъ Флоріанъ. Я повелъ ихъ въ первую комнату, пригласилъ садиться, но вижу, что они о чемъ-то шепчутся, какъ будто совѣтуются. Я велѣлъ мальчику подать бутылку водки и закуску, но они на меня почти не смотрѣли. Я думаю: долго ли это будетъ еще продолжаться? Наконецъ, начинаю о томъ, о семъ, а хорунжій говорить:

— Ну, что же, довольны вы или нѣтъ своею Вулькою?

— Конечно, доволенъ, — сказалъ я, — во первыхъ, это наша дѣдовская хата, во-вторыхъ, хотя она и свалилась на меня, какъ съ неба, послѣ дяди, а все-таки есть за что уцѣпиться.

Панъ Флоріанъ ходилъ по комнатѣ и смотрѣлъ во все углы съ такою миною, точно хотѣлъ посмѣяться, и что-то напѣвать.

— Ну, — сказалъ онъ, — небольшая же вамъ досталась вѣчина, деревенька маленькая, да ее еще при покойникѣ хорошо высосали; однѣ кости остались.

Меня это задѣло, тѣмъ болѣе, что говорилось у меня въ домѣ, гдѣ нельзя было спорить. Поэтому я отвѣтилъ ему:

— Кому какъ... я не хочу представляться не тѣмъ, что я есть; я былъ бѣденъ — для меня и это помѣстье хорошо. Шляхтичу и этого довольно, хотя большому пану было бы мало, а на этихъ костяхъ, о которыхъ вы говорите, можетъ быть со временемъ и мясо будетъ.

— Да что — домъ? — прибавилъ панъ Флоріанъ: — Мацека взялъ, Мацека съѣлъ, и нѣтъ ничего.

Я все еще сдерживался и потому сказалъ ему:

— Кому что Богъ далъ. *Sit nomen Domini benedictum!* У васъ вѣрно больше имѣнье, вы этому и радуйтесь, а другихъ не смущайте. Видали мы не мало и такихъ, у которыхъ было имѣнье больше вашего и пошли они съ сумою; видали и другихъ бѣднѣе меня, которые получали потомъ большія богатства.

Они притихли; а хорунжій сказалъ, посмотрѣвши на товарища:

— Поговоримъ о томъ дѣлѣ, которое привело насъ сюда.

— Есть дѣло? — спросилъ я.

— Есть, — сказалъ братъ Елены, — и чѣмъ скорѣе съ нимъ кончить, тѣмъ лучше.

Я молчу и жду.

— Вотъ, — продолжалъ онъ: — я просилъ пана Флоріана быть свидѣтелемъ того, что я пріѣхалъ не съ злымъ умысломъ и не для того, чтобы оскорбить васъ, но намъ нужно поговорить. Я не буду размазывать. Вы, панъ Янъ, бывали въ нашемъ домѣ, гдѣ мы охотно и отъ всего сердца принимали васъ, какъ достойнаго кавалера и милаго сосѣда. Но изъ этого вышло нѣчто, что намъ не нравится; скажите откровенно, вы думаете о нашей сестрѣ?

— Къ чему же мнѣ отпираться? — сказалъ я. — Если она расположена ко мнѣ, я счелъ бы великимъ счастьемъ погладить ея руку.

Хорунжій такъ и вскипѣлъ.

— Объ этомъ и не думайте! — воскликнулъ онъ. — Я не отнимаю у васъ ни дворянскаго достоинства, ни вашихъ качествъ, но только «высокъ порогъ для вашихъ ногъ». Наша сестра сенаторская внучка съ приданымъ и легко найдетъ себѣ равнаго.

Я вышелъ изъ себя при этихъ словахъ, плюнулъ и сказалъ ему:

— Да что вы мнѣ рассказываете? Неужели въ нашемъ родѣ не нашлось бы кресла и даже булавы, если только поискать хорошенько? Бѣдности своей я не стыжусь и отъ нея не отпираюсь, а вы, я думаю, не станете насильно выдавать сестру замужъ.

Панъ Флоріанъ подошелъ ко мнѣ и, думая испугать меня, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Панъ Янъ, послушайте добраго совѣта, а не то будетъ хуже.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ я.

— Понимайте, какъ знаете, — сказалъ онъ.

— Я готовъ на все, — сказалъ я: — только знайте, что страхомъ вы со мною ничего не сдѣлаете.

— А если я, какъ старшій братъ, откажу вамъ отъ дома? — воскликнулъ хорунжій.

— Странно, — сказалъ я, смѣясь: — придти къ кому-нибудь и отказывать отъ своего дома въ его собственномъ домѣ.

Я взялся за бока и началъ насмѣхаться надъ нимъ.

— Любезный, — прервалъ Флоріанъ, беря меня за руку: — не смѣйся, а лучше слушай. Ты маленькій человекъ и не здѣшній, недавно сюда пришелъ, такъ сиди же смирно.

— Поступаю, какъ хочу, — сказалъ я гордо: мнѣ уже давно надоѣла ихъ спѣсь, — а вы тоже дѣлайте, какъ знаете.

Они сейчасъ же взяли за шапки. Я не удерживалъ ихъ. На порогъ хорунжій обернулся и сказалъ:

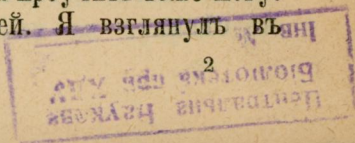
— Вы меня хорошо поняли?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я: — кто неясно говоритъ, того трудно понять.

— Эй, не вызывай бѣды! — воскликнулъ Флоріанъ. — Я знатно задамъ тебѣ!

Я бѣды не боюсь, — крикнулъ я, — а проучить тоже могу.

Все это происходило у самыхъ дверей. Я взглянулъ въ

окно и вижу, скачетъ по двору Зегжда на буланомъ конѣ. Я подумалъ про себя: «Богъ его посылаетъ!» и почувствовалъ въ душѣ бодрость.

Флоріанъ схватилъ меня за руку и крикнулъ:

— Доставай саблю, помѣряемся! Напишу я тебѣ на лбу такое объясненіе, что ты его съ мѣсяць будешь разбирать!

— Только не здѣсь! — воскликнулъ я: — вы мои гости, а у меня все по старому; гостей не бьютъ и не ругаютъ. Хотите помѣряться силами, — я не прочь, только пожалуйста за границу.

— Это вѣрно недалеко, рукою подать? — съ насмѣшкою сказалъ Флоріанъ.

— Да, — сказалъ я: — ровно столько пути, чтобы вы успѣли прочесть молитву передъ своею побѣдою.

Здѣсь влетѣлъ Зегжда. Онъ чуть не повалилъ Флоріана, — такъ стремительно шелъ, услыхавши однимъ ухомъ, что дѣло дошло до сабель. Для него ничего не могло быть лучше. Они какъ его увидали, такъ немного опѣшили, а я ободрился и говорю:

— Въ самую пору пріѣхалъ, я беру тебя въ свидѣтели, что меня въ моемъ собственномъ домѣ оскорбили и принудили драться. Но я помню старые обычаи, гость для меня святъ, а потому прошу пожаловать на границу. Ну, Зегжда, будешь мнѣ другомъ?

— Отъ всей души и отъ всего сердца, — сказалъ онъ.

Я кивнулъ подростку, который былъ за дверями:

— Давай саблю!

Зегжда увидалъ на столѣ бутылку и подошелъ выпить. Тѣмъ временемъ мои противники сѣли на коней, только молча, такъ какъ имъ не хотѣлось имѣть свидѣтеля. Я повелъ Зегжду на крыльцо и говорю:

— Еще разъ беру тебя въ свидѣтели того, что эти господа пріѣхали въ мой домъ, чтобы обидѣть меня оскорбительными словами. Это неслыханное и не дворянское дѣло, говорю смѣло. Я покоряюсь Божіей волѣ, и готовъ къ услугамъ хоть для васъ обоихъ.

Они промолчали, сидя на коняхъ и грызя усы со злости. Зегжда, какъ всегда, не разговаривалъ даромъ. Онъ хлопнулъ рукою по саблѣ, поправилъ шапку и насмѣшливо прищурилъ одинъ глазъ, потомъ подтянулъ поводья въ рукѣ и рскачилъ въ сѣдло.

— Веди мнѣ сиваго! — крикнулъ я Гжесю: — надѣнь на него только уздечку и попону, сѣдла не надо.

У меня просто руки тряслись; я прицѣпилъ къ боку мою вѣрную старую саблю, которая не на одномъ оставила знаки. Всѣ уже сидѣли на коняхъ; но вотъ и мнѣ ведутъ сиваго; а онъ летитъ, распустивши хвостъ, да такъ весело, точно онъ меня цѣлый годъ не видалъ. Онъ не былъ осѣдланъ, на немъ былъ только коврикъ, стянутый подпругою; я вскочилъ на него и пустился вскачь. Ёдемъ мы молча. Я вижу, что чѣмъ я бодрѣе, тѣмъ они сумрачнѣе.

Я показавъ рукою на лѣсъ. Всѣ мы поѣхали рысью одинъ за другимъ, такъ что я имѣлъ еще удовольствіе видѣть, какъ ихъ лошади сильно отставали отъ моей. Я первый былъ на мѣстѣ, сошелъ у дороги около распятія и перекрестился, помолвившись Спасителю и Божіей Матери, чтобы они спасли отъ позора меня, обиженного въ собственномъ домѣ.

Произошелъ краткій споръ о томъ, будемъ ли мы биться на коняхъ или пѣшіе; они хотѣли драться на сабляхъ и сойдя съ коней. Сначала выскочилъ впередъ Флоріанъ.

Зегжда, стоя сбоку, сказалъ хорунжему:

— А мы что же стоимъ? Я къ вашимъ услугамъ, если милость будетъ.—И онъ уже взялся за саблю.

— Я противъ васъ ничего не имѣю,—отвѣтилъ хорунжій:—но отъ бутылки и отъ сабли никогда не отказываюсь.

Услыхавши это, я всталъ между ними.

— Позволь,—сказалъ я Зегждѣ:—ты могъ бы сдѣлать хорунжаго неспособнымъ къ борьбѣ, а я имѣю право съ нимъ помѣряться. Поэтому обожди, первенство за мною.

А панъ Флоріанъ смѣется и кричитъ издали:

— Не торопись и не горячись, вѣдь обоихъ насъ не съѣшь; ротъ малъ, будетъ тебѣ и одного, а можетъ быть и много. Я тебя отдѣлаю, какъ слѣдуетъ.

— Все въ рукъ Божіей,—отвѣтилъ я:—если случится то, чего никто изъ насъ еще не знаетъ, этимъ господамъ еще будетъ время драться, но я долженъ защищать свои права.

— Правда!—сказалъ Зегжда:—Я подожду.—И онъ вложилъ свою саблю въ ножны.

Тогда мы съ моимъ фанфарономъ вышли на сухую тро-

пинку, хорошо осмотрѣли мѣсто и вынули сабли. Я сдѣлалъ передъ собою крестъ и воскликнулъ:

— Господи, Боже мой! Ты видѣлъ обиду, отомсти же Самъ за меня! Я отдаюсь въ Твои руки.

А Флоріанъ уже наскочилъ на меня.

— Не молись, монахъ, а защищайся.

Сошлись мы разъ—ничего, другой разъ—тоже. Тотъ сильно размахнулся, поскользнулся одною ногою и, только я его за-
дѣлъ, вижу, онъ летитъ назадъ. Я ударилъ его въ лобъ, а не успѣлъ онъ оглянуться, я въ другой разъ; кровь у него хлынула и онъ уже кричитъ:

— Довольно! довольно!

— Видишь,—закричалъ я, еще разъ полоснувъ его клинкомъ по плечамъ:—и на тебя пришла управа.

Я оставилъ его въ покоѣ. Онъ сѣлъ на траву и, ворча, принялся вынимать изъ сумки платки, воду и пластырь, а я повернулся къ хорунжему и кричалъ:

— Къ вашимъ услугамъ!

Видю, онъ поблѣднѣлъ немного, не такой уже надменный, но только въ сердцахъ такъ на меня наскочилъ, что я едва успѣлъ оборониться. Какъ начали мы рубиться, такъ просто сабли застонали, искры такъ и сыплются; но ни тотъ, ни другой не можетъ ничего сдѣлать. Зегжда только стоитъ и дивится. У меня уже начала дрожать рука, такъ какъ я не выспался и не былъ въ полной силѣ. Я помолился своему покровителю св. Яну Непомуку, патрону доброй славы, и думаю: «Спаси и помоги!» Въ эту самую минуту я, изловчившись, такъ хватилъ его въ руку, что выбилъ у него саблю и палецъ повисъ у него на кожѣ. Онъ крикнулъ: «Иезусъ-Марія!» и схватился за искалѣченную руку. Я отскочилъ и стою.

— Если бы я имѣлъ дѣло съ настоящими кавалерами,—воскликнулъ я:—я зналъ бы, что дѣлать: я попросилъ бы васъ въ то убогое жилище, въ которое вы пріѣхали смѣяться надъ моею бѣдностью и отказывать мнѣ отъ дому. Но тѣхъ, которые гонятъ меня по своей гордости, я не смѣю да и не хочу упрашивать. Прощайте, господа, и помните, что вы видѣли, какъ Господь Богъ заступается за невинность и какъ онъ презираетъ и караетъ гордость.

Мы съ Зегждою сѣли на лошадей и поѣхали домой, оставивъ ихъ съ людьми лѣчиться, какъ знаютъ.

Даль мнѣ Богъ побѣду, но не веселую, такъ какъ, думая, что я не увижу свою дорогую Лелю и что для меня закрылся тотъ домъ, который былъ всего милѣе моему сердцу, я чуть не плакалъ. Зегжда видѣлъ, что я грущу, и сказалъ мнѣ дорогою:

— Не горюй, все это можетъ переимѣниться. Я знаю, въ чемъ было дѣло. Напрасныя опасенія!

— Нога моя больше не будетъ тамъ, — сказалъ я.

— Можетъ быть, они еще сами будутъ тебя упрашивать.

Мы вернулись домой и я принялъ друга, какъ умѣлъ и какъ могъ, потому что онъ очень утѣшилъ меня своимъ прібытіемъ. Мы проговорили съ нимъ весь день до самой ночи, впрочемъ, больше я, чѣмъ онъ, такъ какъ онъ былъ, по обыкновенію, молчаливъ. Зегжда остался у меня еще на одиннадцатое іюля. У него немного развязался языкъ и онъ началъ разсказывать о домѣ старосты. Дѣдъ моей панны и отецъ старосты женился въ Силезіи на имѣѣ Опельсдорфъ, которая была истая дворянка, даже съ графскимъ титуломъ, но странная и, кажется, любила свѣтъ больше, чѣмъ это прилично замужней женщинѣ. Сынъ его нашелъ себѣ жену по вкусу, также изъ Силезіи, и привезъ ее оттуда. Этой четѣ далъ Богъ четырехъ дѣтей, троихъ сыновей и дочь, мою богиню, панну Елену. Мать умерла рано; Елену взяла еще маленькою родственница отца и воспитала почти какъ свое дитя, оставивъ ей послѣ себя очень значительное состояніе. Итакъ, павна Елена имѣла отъ отца, отъ матери и отъ опекуниши даже больше, чѣмъ братья, которыхъ было трое у отца на содержаніи. Это несчастное богатство сдѣлало то, что ея руки добивались, какъ короны, и все люди богатые, извѣстные и знатнаго рода. Сыновья старосты, которые росли дома при отцѣ, были воспитаны въ большой роскоши и баловствѣ, и ничего хорошаго изъ нихъ не вышло: ужасное чванство, большая расточительность, настоящаго рыцарства и страха Божія мало, а гордости и спѣси слишкомъ много. Они поуменьшили свое богатство разными излишествами, а потому хотѣли бы такъ выдать сестру, чтобы ничего не дать за ней, чтобы женихъ еще сдѣлалъ не-

вѣстѣ подарки, а у господъ братьевъ опять было бы что сорить въ судахъ и на сѣздахъ. Но Богъ защитникъ сиротъ.

Зегжда уѣхалъ вечеромъ. Какъ онъ ни былъ молчаливъ, но и у него языкъ зачесался, поэтому онъ разболталъ о моей встрѣчѣ съ хорунжимъ и съ Флоріаномъ. Все это быстрѣе молніи разошлось по округѣ, а такъ какъ тѣхъ господъ шляхта не очень любила, то тотъ, то другой прибѣгалъ поздравить меня съ тѣмъ, что я научилъ ихъ разуму. Радость была общая и меня чуть не носили на рукахъ. Сейчасъ же пріѣхали паны Грабовскій и Серотинскій и давай меня обнимать и цѣловать.

— Награди тебя Богъ! Славно отличился! Ты спасъ и свою, и нашу честь. Впередъ будутъ осторожнѣе съ шляхтою, а тебѣ, вновь прибывшему, очень полезно, что ты не позволилъ наступить себѣ на ногу.

Зегжда рассказалъ также и то, какъ я до послѣдней минуты былъ терпѣливъ и хладнокровенъ, а они обращались презрительно съ человѣкомъ, служащимъ рыцарству только по своей бѣдности. Эта побѣда была бы мнѣ очень на руку для моихъ отношеній съ братьею шляхтою, но мнѣ все отравляла та мысль, что я больше не увижу своей красавицы и не могу придти къ ней, такъ какъ братья готовы были разорвать меня на части, если бы я только показался въ усадьбѣ. Я думалъ, что встрѣчу ее еще разъ въ костелѣ, пока милосердый Богъ не перемѣнитъ всего къ лучшему. Уже пришли письма, вызывавшія меня въ войско, и ничего болѣе не оставалось, какъ скорѣе сѣсть на коня, чтобы не опозориться и не быть послѣднимъ. Мы все совѣтовались съ Грабовскимъ и съ Зегждою, какъ выѣхать. Я хотѣлъ взять съ собою какъ можно меньше, чтобы не затруднять себя обозомъ и не тащить за собою цѣлаго табора въ такой дальній путь, а особенно въ чужіе края, Богъ знаетъ, по какимъ дорогамъ. Всѣ соглашались, что я былъ правъ, но когда дошло дѣло до укладки, то то, то другое жалъ было бросить, то то, то другое было нужно; мальчикъ сунетъ узелокъ, кто-нибудь боченокъ, еще что-нибудь. Набираются цѣлыя горы. Я рѣшился взять только одну хорошо упакованную венгерскую повозку; въ ней было перемѣнное, болѣе легкое оружіе, немного платья, тряпокъ и небольшой запасъ провизіи на голодные дни: солонина и крупа.

Съ минуты на минуту нужно было собираться, а сердце шептало мнѣ, что я долженъ увидаться еще хотя разокъ. Я укладывался и готовился въ путь и все оказывалось, что мнѣ чего-нибудь не достаетъ, чтобы хотя немного оттянуть отъѣздъ.

Я и не подозревалъ, какъ осчастливить меня Господь Богъ.

Велѣвши сдѣлать еще запасныя оси и пару колесъ, я отложилъ отъѣздъ на день, потому что не любилъ выѣзжать въ понедѣльникъ. Заказавъ обѣдню св. Станиславу, котораго я особенно чту, потому что его обидѣли люди изъ моего рода, я поѣхалъ утромъ въ костелъ. Возвращаясь въ Вульку, а Гжесь встрѣчаетъ меня тѣмъ, что меня ждетъ посланный отъ Опольской, котораго онъ безъ меня хорошо принялъ и угостилъ, видя, что онъ хорошій человѣкъ. Сердце сейчасъ же подсказало мнѣ, что здѣсь не могло быть ничего, кромѣ хорошаго. Вхожу я въ комнаты и вижу, что у меня старый Іеремія, довѣренный пани Опольской, отличный человѣкъ, правая рука въ домъ, который всегда любилъ меня. Увидавши меня, онъ сказалъ съ поклономъ, что госпожа его зоветъ меня на бесѣду и ждетъ обѣдать, чтобы я торопился и не мѣшкалъ, а то обѣдъ испортится. Еще разъ почествовавши и обнявши посланнаго, я велѣлъ подать себѣ караковаго жеребца, такъ какъ я берегъ сиваго на дорогу и хотѣлъ, чтобы онъ хорошенько отдохнулъ. Поправивъ немного свой нарядъ, я отправился въ Сороково. Іеремія, который ѣхалъ въ повозкѣ, отсталъ отъ меня, а я для скорости пустился напрямикомъ, не разбирая дороги. Не разъ я думалъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ удивительныхъ домовъ и такихъ людей, какъ у насъ. Пусть укажетъ мнѣ кто-нибудь на чужбинѣ такой вдовій домъ, какой былъ у нашей достойной пани Опольской, или такую особенную жизнь, какъ ея. Она рано вышла замужъ, потеряла мужа на войнѣ и шестерыхъ маленькихъ дѣтей и осталась одна на свѣтѣ еще молодая, красивая и богатая. По ней многіе сходили съ ума, но она вела самую настоящую вдовью жизнь. Одѣвшись въ трауръ и отправивъ ни съ чѣмъ всѣхъ претендентовъ, она начала по своему вкусу истинно святую жизнь. Она сдѣлалась благодѣтельницею цѣлой округи. Такъ прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ завелся у нея этотъ порядокъ, и она соблюдала его неуклонно. У нея не было семьи, зато она создала ее себѣ сама, такъ какъ у нее всегда было

на воспитаніи 20 шляхтянокъ и жили онѣ, какъ въ монастырѣ, только веселѣе, чѣмъ за рѣшеткою. Всѣхъ ихъ брала она изъ бѣдныхъ дворянскихъ семей и воспитывала изъ нихъ женъ и хозяекъ для шляхты. Какъ только она выдавала одну изъ нихъ замужъ и справляла ей свадьбу, на мѣсто ея приходило нѣсколько другихъ. Въ замкѣ не было никого, кромѣ сѣдовласыхъ старцевъ: она сама и старый слуга, экономка и старичекъ капелланъ. Бывало, когда всѣ панны сядутъ за столъ, точно вѣнокъ изъ розъ и лилій, хозяйка казалась между ними королевою среди своего двора. Не имѣя своихъ дѣтей, она взяла къ себѣ чужихъ и заботилась о нихъ такъ, какъ будто они были въ самомъ дѣлѣ ея собственныя; когда онѣ были уже замужемъ, она все знала о каждой изъ своихъ воспитанницъ и помогала имъ. Оттого всѣ любили ее, а бѣдная шляхта готова была умереть за нее. И никто не скучалъ въ ея монастырѣ, несмотря на строгость нравовъ; у всѣхъ на лицахъ было веселье, но святое и благочестивое веселье. На святкахъ бывала у нея музыка и приличная молодежь, но все было скромно; въ домѣ рѣдко было пусто, а бѣдный шляхтичъ, искавшій себѣ скромную и добрую жену, всегда шелъ въ Сороково, въ домъ вдовы стольника. Много было такихъ, которые поженились да этихъ „стольниковыхъ“ дочкахъ, которыхъ всѣ такъ и звали, и никто не рассказывался.

Только я успѣлъ сойти съ лошади и немного отряхнуться отъ пыли, слышу, звонять къ обѣду. Со всѣхъ концовъ двора потянулись бѣлыя лебедушки, а старый дворецкій, стоя на крыльцѣ, попросилъ меня въ залу, гдѣ пани Опольская ждала меня съ борщомъ. Я поспѣшилъ поцѣловать руку старушки и нашелъ уже всѣхъ на мѣстахъ, самое хозяйку съ чернымъ вуалемъ (она ходила такъ всю жизнь), экономку пани Зувальскую, старика капеллана и всѣхъ барышенъ. Кромѣ тѣхъ, которыя сидѣли за столомъ, одна была назначена по очереди присматривать за кухнею, другая принимать и отпускать провизію. Прислуживали деревенскія дѣвушки, готовящіяся быть кухарками и бѣлошвейками. Настоящее царство амазонокъ, если бы не мы съ капелланомъ. И все это было такъ мило: точно войско въ одинаковой формѣ и съ одинаковыми лентами въ волосахъ. Какъ только я наклонился надъ ея рукою, старушка шепнула мнѣ на ухо.

— Послѣ обѣда я кое-что расскажу вамъ, но пользуйтесь

спокойно Божиимъ даромъ. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что слова мои не будутъ вамъ непріятны, — и она улыбнулась.

Мнѣ указали мѣсто и я сѣлъ, съ немалымъ любопытствомъ ожидая конца обѣда. Мы говорили о томъ и о семъ, а больше всего о будущемъ походѣ на турокъ, о которомъ я много узналъ, такъ какъ пани Опольская получила письмо о томъ, что великій визирь былъ уже подъ Пресбургомъ и шелъ съ огромнымъ войскомъ на имперекую столицу, изъ которой императоръ отступилъ уже къ Линцу, преслѣдуемый татарами. И такъ, намъ нужно было немедленно спѣшить на помощь, прежде чѣмъ окончательно окружатъ и стѣснятъ столицу. Писали, что папскій нунцій Паллавичини и имперскій посолъ Вильчекъ очень торопили короля, но французскія интриги все еще портили дѣло. Наконецъ, въ сердцѣ короля все-таки восторжествовало чувство христіанина, несмотря на то, что онъ никогда не былъ близокъ съ австрійскимъ домомъ и болѣе опасался, чѣмъ любилъ его. Пани Опольская, которая была большой политикъ, а также и капелланъ, все напирала на то, что мы не идемъ на помощь одной имперіи, но всего христіанства; говорятъ, и король принималъ это дѣло точно такъ же и только такими доводами далъ склонить себя на всѣ договоры.

Когда кончился обѣдъ и капелланъ прочелъ обычную молитву, пани Опольская подала мнѣ руку и, оставивши своихъ дѣвицъ въ залѣ съ экономкою, попросила въ кабинетъ на бесѣду. Тамъ она просила меня сѣсть передъ собою; хотя я и стоялъ передъ ней, уважая ее какъ родную мать, но нельзя было ничего сдѣлать, когда она велѣла. Она обернулась ко мнѣ и сказала, позвавъ пальцемъ:

— Это вы что же сдѣлали съ паномъ хорунжимъ и съ паномъ Флоріаномъ, такъ искалѣчивши ихъ обоихъ?

— Клянусь Богомъ, — сказалъ я, — что невиноватъ въ этомъ. Хотя я живу рыцарскимъ ремесломъ, но не въ моихъ правилахъ и не въ моемъ характерѣ вызывать на дуэль изъ-за пустяковъ, тѣмъ болѣе, въ своемъ домѣ. Но случилась неслыханная вещь: эти господа, пріѣхавши въ Вульгу, оскорбили меня подъ моимъ же кровомъ и почти навязались на поединокъ. Я не могъ снести этого и самъ Богъ, защитникъ обиженныхъ, направилъ мою руку.

— Но, панъ Янъ,—кратко ствѣтила мнѣ хозяйка,—вы принесли себѣ этимъ не малый вредъ и закрыли себѣ двери дома, гдѣ не одни глаза смотрѣли на васъ съ радостью.

— Но они еще раньше, съ угрозами и дерзостями, откатали мнѣ отъ дома,—сказалъ я.

— Это можно бы было поправить,—сказала она,—а теперь...

— Пусть исполнится воля Божія,—сказалъ я,—даже для самой дорогой особы я не могъ бы оставить пятна на дворянской и рыцарской чести, и прибавляю еще, что я долженъ бы потерять и то небольшое, что имѣлъ, въ глазахъ тѣхъ, кто меня немного уважаетъ, если бы я стерпѣлъ отъ этихъ господъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. *Sit nomen Domini benedictum.*

Она немного подумала и тихо разсмѣялась.

— Что же вы думаете теперь дѣлать?—спросила она.— Все же панна Елена не можетъ успокоиться съ того дня, хотя и не жалуется на васъ за то, что вы эту кровь загородили себѣ путь къ ней.

— Я своей бы не пожалѣлъ для нея,—отвѣтилъ я,—но надѣюсь, что она пойметъ, что это дѣло не могло кончиться иначе.

Я просилъ пани Опольскую, чтобы она была моею ступницею передъ панною Еленою и сказала бы ей, что я поступилъ не легкомысленно, а такъ, какъ повелѣвала мнѣ рыцарская честь.

— Вамъ,—сказалъ я,—могу я открыть вполне свое сердце, я не стыжусь ничего, а васъ уважаю, какъ родную мать. Богъ видитъ, что я люблю панну Елену чистою и искреннею любовью; я поклялся въ душѣ быть ей вѣрнымъ и сдержу свое слово. Она ни въ чемъ не виновата, но я не могу помириться съ чванствомъ ея братьевъ. Если она хочетъ, то можетъ дѣлать съ собою все, что ей угодно. Я же буду съ надеждою ожидать лучшихъ дней, всегда дѣлая, что повелѣваетъ долгъ, а не то, чего хочетъ сердце.

— И хорошо дѣлаете, что такъ рѣшили,—сказала мнѣ пани Опольская.—Теперь, когда я услышала это отъ васъ, я могу сказать вамъ, что вчера панна Елена торжественно и почти съ мужскою твердостью сказала братьямъ, что не вый-

детъ ни за кого другого, кромѣ васъ, хотя бы ей и пришлось ждать двадцать лѣтъ. Былъ тутъ и гнѣвъ, и угрозы, но она осталась тверда, какъ скала.

Точно свѣтъ открылся передо мною, когда я услышалъ это. Я припалъ къ колѣнямъ старушки и началъ цѣловать у нея руки.

— Не благодарите меня,—сказала она со слезами на глазахъ,—но одну ее. Это дѣвушка, какихъ мало, съ такимъ сердцемъ и волею, что она заставила бы краснѣть не одного мужчину.

— Я бѣденъ,—отвѣчалъ я,—а счастье въ рукѣ Бога; имя я ношу не послѣднее, хотя и не знатное; остальное я могу сдѣлать съ Божіей помощью.

Старушка встала взволнованная и сказала:

— Я должна передать вамъ еще кое-что отъ Елены... Она проситъ и закликаетъ, чтобы вы не искали свиданія съ нею, потому что вамъ грозитъ большая опасность. Она проситъ, чтобы вы сейчасъ же ѣхали въ свой полкъ и, наконецъ, чтобы не было вамъ грустно идти на войну безъ какого-нибудь знака ея расположенія, она посылаетъ вамъ черезъ меня кольцо, какъ залогъ вѣрности. Она велѣла мнѣ сказать вамъ, чтобы вы твердо переносили разлуку и препятствія и вѣрили ея любви, хотя бы даже люди распускали дурные слухи.

Не было мѣры моему счастью, когда я увидалъ это обручальное кольцо и взялъ его отъ Опольской. Я сейчасъ же отдалъ ей взаменъ для Елены обручальное кольцо моей матери и не поручусь, что я не плакалъ, хотя это и не очень пристало рыцарю. Старушка тоже рыдала, благословляя меня, какъ сына.

Этимъ все кончилось; но, выѣжая изъ Сороковъ, я былъ такъ упоенъ счастьемъ и переполненъ благодарностью, что меня такъ и тянуло явиться вдругъ къ Налынчамъ и поцѣловать ея ножки, рѣшившись непременно сейчасъ же отправляться въ походъ.

Весь обратный путь я думалъ про себя: ѣхать къ Налынчамъ или нѣтъ? Но кончилось тѣмъ, что воля ея исполнилась не отъ того, чтобы я кого-нибудь боялся, но чтобы не огорчить ее.

Я чувствовалъ въ себѣ такое мужество, что, кажется, напалъ бы на двадцать человѣкъ, не боясь ихъ силы; но я сказалъ себѣ: «Пусть будетъ поменьше крови». Рѣшивши дать въ руки Опольской письмо къ Еленѣ, я вернулся домой, давая себѣ слово, что тотчасъ же велю упаковывать повозки и отправляюсь въ походъ. Уже смеркалось, когда я вернулся въ Вульку. Смотрю, по двору водятъ верховыхъ лошадей. Я догадался, что у меня гости. Меня дожидались на крыльцѣ панъ Яцекъ, замѣнившій мнѣ отца, Зежда, и Грабовскій, который былъ для меня лучше родного. Увидавъ меня издали, они подняли шапки вверхъ и закричали:

— Поздравляемъ! Поздравляемъ!

— Чортъ возьми, что такое? — подумалъ я. — Ужъ не догадались ли они, затѣмъ я ѣздилъ къ Опольской и какой тамъ получилъ подарокъ?

Но случилось нѣчто совсѣмъ другое, о чемъ я и не подозревалъ. Когда я сошелъ съ лошади, панъ Яцекъ началъ горячо обнимать меня, показывая письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ, но я сначала ничего не понималъ изъ этого. Да и какъ мнѣ было догадаться о томъ, о чемъ я не имѣлъ понятія? Я стоялъ, не зная, что начать, и сказалъ пану Яцку, называя его по привычкѣ татою:

— Милый тата, скажите же, съ чѣмъ вы меня поздравляете и чему радуетесь? Я, право, ничего не знаю.

— Если у тебя есть что-нибудь въ подвалѣ, то выпьемъ за твое здоровье и успѣхи, а потомъ все узнаешь, — сказалъ панъ Яцекъ.

Гдѣсь стоялъ за угломъ. Я кивнулъ ему.

— Давай кануцинскій медъ.

А онъ, точно уже былъ наготовѣ, несетъ бутылку и стаканы.

Я сталъ наливать, ничего еще не зная, а Яцекъ говоритъ:

— Несправедливо будетъ, если мы прежде не объявимъ ему объ его счастья! Тогда и медъ ему покажется лучше.

Я все еще стоялъ, какъ человѣкъ, котораго хотятъ, неизвестно за что, повѣсить.

— Помилуйте, — воскликнулъ я, — не держите меня между небомъ и землею. Говорите, что случилось?

— Слушай,— отвѣтили панъ Яцекъ,— тебя ожидаетъ большое счастье, котораго я недостойный виновникъ, или, лучше сказать, самъ Богъ, выбравшій орудіемъ своего смиреннаго раба. Я жалѣлъ тебя, потому что тебѣ приходилось идти въ этотъ походъ безъ друга и безъ особенно благосклоннаго къ тебѣ вождя, а потому мнѣ удалось, безъ твоего вѣдома, такъ устроить, что тебя посылаютъ въ свиту самого короля. Вотъ тебѣ и приказъ, въ которомъ сказано, чтобы ты немедленно отправлялся прямо въ Варшаву и Вилланово, а оттуда вмѣстѣ съ дворомъ въ дальнѣйшій путь, и да благословитъ тебя Провидѣніе. Ну, скажи-ка теперь, развѣ не было причины вспрыснуть медомъ новость, которой позавидуетъ не одинъ изъ твоихъ товарищей?

Я принялся обнимать пана Яцка, такъ какъ, не разобравши даже порядкомъ этой новости, я чувствовалъ, что она можетъ послужить мнѣ только въ пользу. Всегда кажется, что, честно исполняя свой долгъ на глазахъ самого короля, можно пойти далеко. У меня просто въ головѣ помутилось, а Яцекъ, Зегжда и Грабовскій поздравляли меня, смѣялись и аплодировали, предсказывая, какъ я вернусь изъ этого похода съ большими почестями и великою добычею.

Мой добрый тата прибавилъ еще, что прежде, чѣмъ приступить въ Вульку съ письмомъ и съ приказомъ, онъ распустилъ вездѣ, и особенно у Налынчей, слухи о той чести, которой я удостоился, чтобы они хорошенько позеленѣли отъ зависти. И онъ смѣялся, зная, какъ это имъ было не по вкусу; я же думалъ о томъ, какъ моя Елена ободрится, когда узнаетъ, что я буду добиваться славы при такихъ хорошихъ условіяхъ.

Намъ не было времени долго пировать и, проболтавши до вечера, я назначилъ отъѣздъ на слѣдующее утро, помолившись на дорогу. Хозяйство и всѣ хлопоты по имѣнію взялъ на себя панъ Яцекъ. Рано утромъ, такъ какъ я съ радости не могъ спать, принялись мы за укладку воевъ, вещей, припасовъ и всего, что я долженъ былъ взять съ собою. Тутъ пошли новыя хлопоты о томъ, какъ бы не обременить себя, а также, чтобы не пришлось чего нибудь покупать въ дорогѣ. Я всегда былъ того мнѣнія, что воинъ долженъ учиться довольствоваться малымъ, а это у насъ не всѣ умѣютъ. Придетъ походъ и на-

берется вoзoвъ, слугъ и разныхъ подводъ больше, чѣмъ самого войска. И для бѣднаго люда трудно идти по дорогамъ, и войско неповоротливое, и по дурнымъ дорогамъ во время оттепели такъ все портится и теряется, что бѣда. Господа обозные и сторожа не очень за этимъ смотреть. Иной гусаръ вмѣсто трехъ вoзoвъ, которыхъ было бы очень довольно, если даже считать съ прислугою, тащить за собою шесть вoзoвъ, а потомъ и двухъ не привезетъ домой; лошади подохнуть съ голада, а экипажи переломаются въ распутицу.

Такъ и я, хотя и долженъ былъ показаться при дворѣ немного бѣдненько, — пусть говорятъ, что хотятъ, — взялъ только одинъ возъ и Гжеся, такъ какъ свита моя осталась въ войскѣ; я сдалъ ее на руки хорошаго друга, Пшилускаго, чтобы онъ присмотрѣлъ за этою челядью. Около полудня мы были готовы: и кони, и люди. Я осмотрѣлъ все отъ хвоста до копыта, отъ колеса до дышла, отъ подошвы до шапки, и мы двинулись изъ Вульки во имя Бога, перекрестясь и прочтя молитву.

Дорога шла мимо костела и дома священника. Конечно, я хотѣлъ навѣстить добраго ксендза, проститься съ нимъ и попросить его благословенія; тѣмъ болѣе, что было время вечерни, а была или суббота, или канунъ праздника, этого я хорошенько не помню. Мы сошли съ лошадей. Вижу я, ксендзъ идетъ въ костель со служителемъ; увидавши меня вооруженнаго и одѣтаго по дорожному, онъ воскликнулъ:

— Зайдите, сынокъ, въ церковь Божию, все нужно начинать съ молитвою. Отцы наши такъ дѣлали и имъ не было отъ этого хуже.

— Я шелъ къ вамъ за благословеніемъ, — отвѣтилъ я, — помолитесь за меня.

Онъ ничего не сказалъ, только указалъ рукою на костель. Я вошелъ и преклонилъ колѣна, а душа моя сама молилась. Я взглянулъ на то мѣсто, гдѣ я увидалъ въ первый разъ колѣнопреклоненную Елену, и думалъ, что у меня въ глазахъ двоится. Смотрю и не вѣрю себѣ: вижу ее молящуюся на томъ самомъ мѣстѣ.

Точно чудо передо мною совершилось. Я былъ такъ пораженъ, что не видѣлъ ничего, что дѣлалось вокругъ меня. Я сталъ молиться еще горячѣе и почувствовалъ въ сердцѣ ве-

ликую силу и вѣру въ Божию помощь. Ксендзъ отслужилъ вечерню, потомъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ къ алтарю. Мы съ Гжесемъ подошли подъ его благословеніе. Когда я возвращался назадъ, я увидалъ ея лицо, обращенное къ кресту; она молилась и полна была такой святости, что я никогда въ жизни не видалъ и не увижу ничего прекраснѣе. Казалось, она была такъ погружена въ молитву, что даже не видала меня. Я вышелъ и всталъ въ дверяхъ, какъ статуя. Минуту спустя, я услышалъ шелестъ шелкового платья; чувствую, что близко, и не смѣю поднять глазъ.

— Это добрый знакъ, — сказала она, — что мы встрѣтились еще разъ въ костелѣ. Да хранить васъ Богъ, панъ Янъ! Я дала обѣтъ вѣрности и сдержу его. Помните и вы, что я рассчитываю на васъ, и не смущайтесь ничѣмъ, даже если-бы вамъ возвратили кольцо.

Я не могъ ничего сказать и только цѣловалъ ея руку.

— Да хранить васъ Богъ! — повторила она.

Глаза ея были полны слезъ и я былъ не веселѣе, хотя и спокоенъ.

— Царица моя, — сказалъ я, — скорѣе умру, чѣмъ измѣню вамъ. До самаго конца никто не вырветъ изъ моего сердца того образа, который я ношу въ немъ. Клянусь Христомъ, распятымъ за насъ: я вашъ слуга на-вѣки!

— Пора разстаться, — шепнула она: — люди злы, много глазъ. Пусть Богъ будетъ съ вами и приведетъ васъ къ намъ.

Мнѣ хотѣлось окаменѣть, такъ трудно было уходить отъ нея, но я сдѣлалъ страшное усилие и, уходя, видѣлъ только, какъ она поклонилась мнѣ издали. Ксендзъ ждалъ меня на дорогѣ и сказалъ мнѣ:

— На коня, сынъ мой, — въ путь, и съ Богомъ!

Оттягивать было нечего. Я сѣлъ на коня и поскакалъ съ мѣста не оглядываясь на возъ и Гжесю, который догналъ меня только подъ лѣсомъ.

Я не стану описывать, съ какими мыслями пустился я въ путь. Варшаву я зналъ мало, а Вилланова совсѣмъ не видалъ. Крикъ, шумъ, тѣснота! Я едва нашелъ плохую гостиницу. Я пошелъ на развѣдки, какъ попасть ко двору и откомендоваться, съ кѣмъ говорить; но, какъ на грѣхъ, не встрѣ-

тилъ ни души знакомой. Нужно еще знать, что я никогда не видалъ короля иначе, какъ на деньгахъ и на изображеніяхъ. Исходивши весь городъ и порядочно соскучившись, я отправился подъ вечеръ къ Вилланову, разспросивъ дорогу, чтобы знать, куда я долженъ на другой день ѣхать съ моимъ обозомъ. Какъ теперь помню, вечеръ былъ ясный и послѣ жаркаго дня воздухъ былъ такъ прохладенъ, какъ рѣдко бываетъ въ лѣтніе жары. Мимо меня шло много людей и конныхъ, и пѣшихъ, и съ возами. Я шелъ быстро. Вскорѣ повстрѣчался со мною шляхтичъ почтенныхъ лѣтъ, въ лѣтней бѣлой шапкѣ, безъ сабли, какъ у себя дома; на немъ былъ бѣлый кафтанъ, такой, какіе носятъ въ деревнѣ, за плечами онъ держалъ палку, а впереди бѣжали двѣ собаки. Я думаю себѣ: вѣрно кто-нибудь изъ придворныхъ, надо бы заговорить съ нимъ. Прибавивъ шагу, я поравнялся съ нимъ, а такъ какъ это былъ человѣкъ почтенный и въ лѣтахъ, я поклонился ему и остановился. Онъ тоже снялъ шапку, остановился и смотритъ мнѣ въ глаза.

Мы привѣтствовали другъ друга.

— Вы какъ будто не здѣшній?—говоритъ онъ.

— Вы угадали!—отвѣтилъ я.— По правдѣ сказать, я въ первый разъ въ этой сторонѣ.

Я взглянулъ на него. Лицо у него было славное: густые усы, высокій лобъ, свѣтлые глаза и что-то доброе и печальное во взглядѣ. Мы пошли дальше.

— А что васъ сюда привело?—спрашиваетъ онъ.

Я разсказалъ всю свою исторію, начиная съ моего вступленія въ войска. Онъ слушаетъ, разспрашиваетъ. Я дошелъ до того, какъ я получилъ приказъ и заговорилъ о томъ, что я новичекъ и не знаю, какъ добиться своего, съ кѣмъ говорить и кого просить.

— Я знаю,—сказалъ я: — что прежде, чѣмъ дойдешь до короля, нужно пройти черезъ много мытарствъ; люди, которые окружаютъ его величество страшнѣе его самого, который извѣстенъ своею отеческою добротою.

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза и говоритъ:

— Можетъ быть, вы и правы, но разъ, что уже намъ пришлось встрѣтиться, я помогу вамъ. У меня есть знакомые при дворѣ.

— Я былъ бы вамъ всю жизнь обязанъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, слушайте,—сказалъ онъ, останавливаясь:—теперь уже не время, а завтра утромъ прѣзжайте въ Вилланово и являйтесь прямо къ Дулембѣ. Скажите только, что васъ прислалъ панъ Орондатель Тарча, меня зовутъ Тарча; я ему сегодня же напишу.

— Куда же вы такъ торопитесь?—сказалъ онъ:—Я люблю поболтать, а вы мнѣ понравились. Сядемъ-ка на эту колоду, да поговоримъ.

У дороги лежало дерево, поваленное вѣтромъ; мой пріятель пошелъ къ нему, я за нимъ, мы сѣли и онъ началъ меня экзаменовать. Въ жизни не видалъ я человѣка такого интереснаго и умѣющаго такъ скоро вызвать человѣка на самую откровенную бесѣду. Онъ такъ меня расшевелилъ, что я рассказалъ ему всю мою жизнь, все отъ доски до доски, быть можетъ, даже и слишкомъ много. Но на душѣ у меня было такъ тоскливо, что я радъ былъ найти собесѣдника.

— Сударикъ мой,—сказалъ наконецъ панъ Орондатель Тарча,—я вижу по всему, что вы достойный кавалеръ и поздравляю короля съ тѣмъ, что онъ узнаетъ васъ въ это время. Не мѣняйте вашихъ чувствъ, положитесь на Бога, Онъ дѣлалъ чудеса побольше тѣхъ, о которыхъ вы можете просить Его. Но я тоже бывалъ при дворѣ, видѣлъ немало въ жизни и наблюдался на то, какъ портятся люди. Сохраните ваше сердце простымъ, искреннимъ и правдивымъ, не подражайте фальши, даже, если увидите, что съ помощью ея люди чего нибудь достигаютъ. То благосостояніе, которое покупается цѣною совѣсти, есть дьявольское навожденіе.

Онъ всталъ съ мѣста и прибавилъ:

— Теперь вамъ пора въ городъ, не забудьте же завтра утромъ явиться къ Дулембѣ, онъ всему васъ научить; это мой орошій другъ. Скажите мнѣ также ваше имя, чтобы я не забылъ его.

Онъ досталъ изъ кармана маленькую книжку и карандашъ, написалъ, что было нужно, потомъ поклонился мнѣ и, когда мы дошли до дороги, я поспѣшилъ въ городъ, а онъ, какъ оказалось мнѣ въ темнотѣ, пройдя шаговъ двѣсти въ ту сторону, гдѣ стояли экипажи, сѣлъ въ какую-то повозку и поѣхалъ.

Я вернулся домой ободренный. На другой день я хотѣлъ выѣхать пораньше, пока еще не было жарко, чтобы не утомлять лошадей, и добраться хотя до какойнибудь гостиницы въ Виллановѣ. Дорога изъ Варшавы была не длинная, мы прѣѣхали скоро, но о гостиницѣ и думать было нечего. Господа со свитою и со слугами располагались лагеремъ въ палаткахъ и тѣснота была такая же, какъ въ столицѣ. Домовъ множество, не знаешь, куда идти, и у каждыхъ дверей стражи и слуги придворныхъ рыцарей и иностранцевъ — безъ счета. Я былъ, какъ у вавилонской башни и имѣлъ такой жалкій видъ со своимъ слугою, что мнѣ приходилось почти краснѣть за себя. Поставивъ у какого-то забора возъ съ Гжесемъ, я собрался съ духомъ и вошелъ въ великолѣпный дворъ. Думаю себѣ: къ этому Дулембѣ не легко попасть, навѣрно, онъ у всякаго на языкѣ.

Вижу, въ лѣвомъ флангѣ, у первыхъ дверей, стоитъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ и довольно видный, хотя не такой, какъ мой вчерашній панъ Орондаты Тарча, заложилъ руки въ карманы и поглядываетъ. Я подошелъ прямо къ нему, поклонился и спрашиваю, а онъ и говоритъ:

— Экій носъ у васъ! Вы сразу въ цѣль попали, въ самого Дулембу. Вамъ ктонибудь показалъ.

— Нѣтъ.

— Это удивительно! Вѣдь это я и есть. А такъ какъ мой пріятель, панъ Орондаты Тарча, хорошо отрекомендовалъ мнѣ васъ, то вы будете здѣсь, какъ у себя дома. Я знаю ваше назначеніе: вы будете состоять при его королевскомъ величествѣ и королевичѣ Ягубѣ, но, до выступленія въ походъ, въ Виллановѣ останетесь только вы съ своею особою, а кони и люди, какіе у васъ есть, отправятся въ гостиницу въ Варшаву. Тамъ ихъ помѣстятъ хорошо и безопасно, не бойтесь. Гдѣ вамъ остановиться, укажетъ тотъ, кого я дамъ вамъ. Велите отнести ваши вещи, одѣньтесь получше и приходите ко мнѣ, а я самъ представлю васъ королю около полудня.

Сказано—сдѣлано. Я поблагодарилъ и пошелъ за слугою, котораго мнѣ дали въ проводники. По правдѣ сказать, на первый разъ я нашелъ не очень-то хорошую комнату; было въ Виллановѣ такъ тѣсно, что лучшаго для меня достать было

нельзя. Комнатка подъ чердакомъ и въ ней еще лежала куча чьихъ-то вещей, оставленныхъ передъ отъѣздомъ. Но воинъ, было бы куда положить голову, и то хорошо! Гжесь принесъ ведро воды, я вымылся, надѣлъ на себя все, что было лучшаго, и, около полудня, отправился къ пану Дулембѣ.

Не скажу, чтобы я былъ великолѣпнѣе среди пышности королевскаго двора, но, однако, я не казался и послѣднимъ, потому что каждый видѣлъ во мнѣ воина, не заботящагося о наружномъ блескѣ. Когда я шелъ по двору, всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Дулемба осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, поправилъ что-то въ вооруженіи, такъ какъ, очевидно, самъ былъ старый воинъ и умѣлъ обращаться съ желѣзомъ.

— Идите теперь за мною,—сказалъ онъ:—вѣрно король въ саду, гдѣ мы его встрѣтимъ, тамъ я васъ ему и представлю.

Мы вошли въ садъ, о какомъ мнѣ никогда и не снилось. Вода, бьющая вверхъ, чудныя статуи, удивительныя деревья, разныя бесѣдки, а цвѣты такіе, что я насмотрѣться не могъ. Дорожки широкія, посыпанныя пескомъ и гравіемъ, а кругомъ колышутся разнообразнѣйшія деревья. Я думалъ, что въ раю не лучше этого.

Мы шли молча довольно долго, а я отъ восхищенія и языкъ терялъ. Смотрю, по дорожкѣ идетъ прямо къ намъ мой вчерашній панъ Тарча, одѣтый почти такъ, какъ тогда, но на лицѣ у него странная улыбка. Дулемба тоже видимо удерживался, чтобы не расхохотаться. Я бросился впередъ, чтобы поздороваться. Но мой вчерашній панъ, передъ которымъ я такъ исповѣдывался, былъ самъ король Янъ III.

Я испугался и началъ извиняться, что такъ безцеремонно распустилъ вчера свой языкъ. Но онъ остановилъ меня съ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ничего тутъ нѣтъ дурного,—сказалъ онъ,—ничего. Вы отрекомендовали себя лучше, чѣмъ думаете; мы теперь уже старые знакомые, только тотъ совѣтъ, который давалъ вамъ вчера Тарча, повторитъ и король.

Во время разговора пришелъ королевичъ. Отецъ самъ представилъ меня сыну, который, очевидно, зналъ о вчерашнемъ и, смѣясь, кивалъ мнѣ головою. Послѣ этого я поцѣловалъ

руку короля и пошелъ назадъ, уже чувствуя себя, какъ дома. Вчерашняя встрѣча, о которой разсказалъ самъ король, разошлась между придворными и очень помогла мнѣ. А такъ какъ король выказалъ мнѣ свою благосклонность, всѣ лица смѣялись. Я долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ разсказывать каждому, какъ это случилось, и всѣ пророчили мнѣ большой успѣхъ. Дальше все шло, какъ по маслу. Приключеніе это разошлось по городу и меня чуть не носили на рукахъ, разспрашивая о немъ. Я слышалъ потомъ эту исторію изъ другихъ устъ и уже ее нельзя было узнать, — такъ ее прикрасили.

Уже не на шутку готовились къ войнѣ. Почти каждый день отъ Лотарингскаго герцога и отъ Любомірскаго приходили извѣстія, которыя безпокоили короля. Я могъ теперь лучше судить объ этомъ и замѣтилъ, что хотя разные лица мѣшали и старались отклонить короля и поколебать его рѣшеніе, онъ давалъ говорить, кто что хотѣлъ, но былъ твердъ, какъ скала.

Мнѣ было мало дѣла при дворѣ, службы тамъ не было никакой. Иногда я отвозилъ въ Варшаву письмо короля или ѣздилъ со словеснымъ порученіемъ.

Въ это время я изучалъ дворъ. Я убѣдился въ томъ, что, за малыми исключеніями, люди здѣсь были очень важны на видъ, но ничтожны по содержанію. Искренности у нихъ совсѣмъ не было, а насмѣшекъ сколько угодно.

Съ королевичемъ я встрѣчался, но для насъ, маленькихъ людей, онъ не былъ доступенъ; королеву я видѣлъ только издали. Это была женщина очень красивая и уже не первой молодости. Трудно найти такого нѣжнаго мужа, какимъ былъ король для королевы Казиміры, а также такого любящаго отца, какъ онъ. Въ то время онъ былъ уже очень немолодъ и даже съ трудомъ садился на лошадь. Онъ былъ очень набоженъ и особенно чтить Святую Троицу, въ день которой случалось все хорошее въ его жизни.

Ко мнѣ онъ почувствовалъ съ нашей встрѣчи особую симпатію, такъ что назначилъ меня состоять при своей особѣ, взявъ меня отъ королевича. Не было дня, чтобы онъ не сказалъ мнѣ хотя нѣсколько словъ, не улыбнулся бы и не бросилъ благосклоннаго взгляда. Замѣтивъ сейчасъ же, что я былъ

не очень состоятеленъ и что передъ походомъ многого у меня не было, онъ велѣлъ мнѣ одинъ разъ пойти за собою въ садъ и тамъ тихонько, такъ, чтобы никто этого не видѣлъ и не позавидовалъ мнѣ, собственною рукою далъ мнѣ сто золотыхъ червонцевъ; чтобы не унижать меня, онъ сказалъ, что это будетъ въ счетъ будущаго жалованья. Однако, какъ оказалось потомъ, нигдѣ это не было записано.

Эти деньги мнѣ очень пригодились, такъ какъ многого не доставало въ моемъ вооруженіи. Купилъ я то и другое, а особенно удачно попался мнѣ конь, которому я послѣ былъ обязанъ жизнью: гнѣдой, около семи лѣтъ, созданіе, подобнаго которому я никогда не встрѣчалъ, настоящій военный конь, съ почти человѣческимъ разумомъ и сердцемъ. Я могу сказать, что онъ сталъ моимъ другомъ и благодѣтелемъ; это былъ не конь, а чудо. Я говорилъ съ нимъ и онъ понималъ меня; пускалъ его за собою и онъ шелъ, какъ собака, лизалъ меня, цѣловалъ, угадывалъ мои мысли; голодъ, холодъ и усталость онъ переносилъ такъ, что и не замѣтно было по немъ, а въ битвѣ не только не боялся, но, когда бывало разсердился, летитъ впередъ и грызетъ непріятельскихъ лошадей, точно зная свой и рыцарскій долгъ.

Я поѣхалъ разъ изъ Вилланова въ Варшаву, чтобы посмотреть, что случилось съ возомъ и съ лошадьми. Дорогою я думалъ: «Если бы попалась мнѣ верховая лошадь, было бы не дурно». Какъ только я остановился у моей гостиницы, бѣжить ко мнѣ знакомый жидокъ, тащить меня за рукавъ и кричить, что послѣ смерти Птоцкаго, который убитъ на дуэли, продаются вещи и лошади. Я пошелъ. Тамъ было много народа. Выводятъ гнѣдого, а нужно знать, что хотя онъ былъ прекрасной гнѣдой масти, онъ не казался сразу такимъ хорошимъ; это я приписываю теперь, конечно, тому, что доброе животное еще тосковало по своему господину; конь былъ съ большимъ сердцемъ. Шелъ онъ съ опущенною головою, тяжело и невесело, но я сразу замѣтилъ, что онъ будетъ великолѣпенъ подъ сѣдломъ. Грудь широкая, ноги тонкія, лобъ красивый, глаза на выкатѣ, ноздри раздутыя, налитыя кровью, шагъ увѣренный, задъ широкій. Показался онъ мнѣ неуклюжимъ, но я подумалъ, что шпоры и хорошій ѣздокъ придадутъ ему рѣзвости.

Сначала за него заломили порядочную цѣну и всѣ начали смѣяться, такъ какъ онъ былъ небольшого роста и моложе семи лѣтъ; потомъ сейчасъ же спустили цѣну. Я началъ торговаться и выторговалъ его за 300 злотыхъ, а другіе смѣялись и говорили, что я переплатилъ. Я купилъ также узду и прекрасный чепракъ, подъ которымъ онъ стоялъ. Его привели въ мою конюшню. Я сейчасъ же взялся за него самъ; велѣлъ его вымыть, вычистить, выстричь, накормилъ его и самъ за нимъ ходилъ, гладилъ его, говорилъ съ нимъ,—и черезъ нѣсколько дней онъ точно воскресъ. Я попробовалъ его подъ сѣдломъ: точно въ люлькѣ; можно было ѣхать на немъ со стаканомъ воды и не разольешь его. Въ рыси онъ подбрасывалъ, но только пока еще не разоидется; зато шагъ такой увѣренный, что онъ никогда не спотыкался: перескакивалъ заборъ или ровъ безъ всякаго труда, только свисни ему или щелкни; словомъ—не конь, а чудо!

А какъ только увидали меня на немъ раза два, просятъ: продай. Жмигородскій давалъ 500 злотыхъ, мой дальній родственникъ Мрочекъ доходилъ до 600. Но я только смѣялся. Если бы мнѣ предложили даже полторы тысячи, я бы и не взглянулъ. Такой конь — это жизнь и здоровье. Я полюбилъ его такъ, что почти одно ѣлъ и пилъ съ нимъ, ухаживалъ за нимъ, какъ за сыномъ, и назвалъ его Пиладомъ, что онъ очень скоро понялъ; бывало, я позову его издали, а онъ сейчасъ же повернетъ голову и заржетъ. Мы были въ такой дружбѣ, точно росли вмѣстѣ съ дѣтства.

Прежде, чѣмъ мы двинулись съ королемъ изъ Вилланова въ Петроково, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ случилось мнѣ, заночевавши въ Варшавѣ, возвращаться утромъ въ резиденцію. Дорогою я встрѣтился съ хорунжимъ Налынчемъ и паномъ Флоріаномъ. Они не скоро узнали меня, хотя и знали, что я былъ тамъ; я проѣхалъ мимо, слегка отвернувъ голову, но въ сердцѣ у меня закипѣло. Такъ какъ я былъ посланъ королемъ къ Денгофу и долженъ былъ отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ, то я пошелъ по возвращеніи въ садовую бесѣдку, гдѣ сидѣлъ король, занятый писаніемъ писемъ и принятіемъ рапортовъ. Пока я разговаривалъ съ королемъ, пришли панъ Налынчъ и панъ Флоріанъ съ какимъ-то войсковымъ дѣломъ.

Когда они увидали меня такъ близко при государѣ, у нихъ порядочно вытянулись лица. А тутъ еще, точно имъ на зло, а мнѣ на радость, король смѣялся и трепалъ меня по плечу. Они сейчасъ увидали, что я былъ въ милости.

Часа два спустя, когда я уже отдыхалъ, приходитъ ко мнѣ Пакульскій. Садится онъ и начинаетъ рассказывать разные исторіи; хотѣлъ бѣдняга меня обойти, да самъ запутался; наконецъ, говорить, что согласіе прекрасная вещь, словомъ, чтобы я протянулъ руку Налынчамъ и только бы отказался отъ всякой претензіи на ихъ сестру, а они уже будутъ моими друзьями до смерти и обѣщаютъ найти мнѣ гдѣ нибудь богатую невѣсту и женить меня.

Я такъ и разсмѣялся, и должно быть смѣхъ мой былъ непріятенъ, такъ какъ Пакульскій даже вскочилъ со стула.

— Панъ Адамъ, — сказалъ я, — вы знаете старую поговорку: «не клади пальца между дверьми». Я не хотѣлъ ссориться съ Налынчами и не нуждаюсь теперь въ благосклонности и свойствѣ. Самъ Богъ меня сосваталъ, пусть онъ и женить меня, а промѣнивать на что либо расположеніе панны Елены — это такое скверное дѣло, что если бы я не зналъ, что вы предложили его скорѣе по глупости, чѣмъ изъ злого умысла, то я бы ободралъ вамъ уши за то, что вы осмѣлились взять на себя такое посредничество.

Пакульскій схватился за саблю. Я удержалъ его.

— Теперь не время драться, — сказалъ я, — мы съ вами оба пойдемъ на турокъ, и, если мы принесемъ въ цѣлости наши кости, я къ вашимъ услугамъ.

И такъ всѣ они ушли, не солоно хлебавши, а я остался при своемъ.

Послѣ этого всѣ мы, съ королемъ и съ дворомъ, начали двигаться къ Кракову. Первый день мы были въ Фолентѣ у пана воеводы Поморскаго, гдѣ король отдыхалъ, на третій день въ Надажинѣ, гдѣ король обѣдалъ; туда прибѣжали гонцы, донесшіе, что имперское войско, по причинѣ близости великаго виэиря, отступило на островъ Шивъ. Далѣе мы прибыли въ Радзевицы, резиденцію кардинала, въ витовскій монастырь близъ Петрокова и въ Кротошинъ. Здѣсь было чему подивиться: дворецъ графа Денгофа, садъ и въ немъ такіе пруды, какіе у

насъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить; деревья, кругомъ валъ и даже рѣшетка великолѣпная и разсчитанная на эффектъ. Оттуда поѣхали мы въ Ченстохово, гдѣ король остановился и жилъ въ монастырѣ у святыхъ отцовъ, чтобы присутствовать при обѣднѣ у чудотворнаго образа, а мы какъ могли, размѣстились въ городѣ. Я не буду писать о томъ, какая была церемонія и служба передъ этимъ великимъ походомъ, какіе были сдѣланы вклады и какъ король со всеѣмъ своимъ дворомъ приступилъ къ исповѣди и къ причастію, готовясь съ чистымъ сердцемъ взяться за чистое дѣло.

Сюда прибылъ Глинскій отъ гетмана Любомірскаго съ извѣстіями изъ Вѣны, что началась уже настоящая осада имперской столицы и невѣрные обложили ее со всеѣхъ сторонъ. Король позвалъ къ себѣ Глинскаго и самъ его разспрашивалъ, а потомъ писалъ письма во все стороны къ князьямъ и государямъ, объявляя, что немедленно идетъ на помощь и чтобы другіе тоже старались исполнить свой христіанскій долгъ.

Такъ какъ я не дурно писалъ, то мнѣ тоже давали составлять нѣкоторыя канцелярскія бумаги, передъ чѣмъ брали съ меня честное слово, что я не скажу ничего того, что дойдетъ до моихъ ушей. Но это была напрасная церемонія, такъ какъ у насъ никогда еще не случалось, чтобы не оставался въ тайнѣ какой нибудь секретъ.

Принявъ благословеніе передъ образомъ Пресвятой Богородицы и принеся торжественные обѣты, дворъ отправился, не останавливаясь, прямо къ Кракову, а войска шли впереди насъ, по двумъ дорогамъ, къ Татраскимъ горамъ въ Силезію за двѣнадцать миль отъ Кракова.

И сколько встрѣтило насъ въ этой столицѣ народа, шляхты и духовенства, съ какимъ интересомъ смотрѣли на христіанскаго короля, какая встрѣчала его повсюду любовь, какія процессіи богослуженія, звонъ колоколовъ, рѣчи, дары и какія толпы шли за войсками! Такъ какъ я числился при дворѣ, то я остановился вмѣстѣ съ другими въ Лобзовѣ, откуда мы ѣздили въ городъ съ королемъ, главнымъ образомъ, для молитвы въ разныхъ костелахъ. Я былъ также съ королемъ, когда онъ посѣщалъ стараго ксендза Домбровскаго, своего бывшего учителя въ коллегіи, отъ котораго онъ принималъ благословеніе. Рассказываютъ (я самъ

не былъ свидѣтелемъ этого), что король разспрашивалъ святого старца о томъ, чѣмъ кончится его походъ, и что Домбровский отвѣчалъ ему, предсказывая побѣду, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ о себѣ, что онъ скоро умретъ и не доживетъ до великаго счастья. И все это случилось потомъ слово въ слово. Шестого августа король отправился на смотръ арміи полевого гетмана и видѣлъ болѣе двухъ тысячъ красивыхъ и сильныхъ людей. Главный корпусъ войска, подъ начальствомъ великаго гетмана пришелъ нѣсколькими днями позже и расположился обозомъ въ полумили отъ Лобзова.

Девятаго августа прибыли къ королю послами знатнѣйшіе силезскіе вельможи и сказали, что все въ ихъ странѣ было готово для нашихъ войскъ и собраны повозки для пѣхоты. Десятаго пошли приказы, чтобы войско двигалось и начинало отовсюду подходить къ Силезіи. Полкъ великаго канцлера шелъ изъ Живца, а остальные за нимъ. Десятаго же совершилось большое богослуженіе и благословеніе въ соборѣ, на которомъ присутствовалъ весь дворъ и въ томъ числѣ я.

Послѣ торжественной литургіи у гроба святого мученика, панскій нунцій Паллавичини благословилъ короля и всѣхъ присутствующихъ и провозгласилъ особыя индульгенціи, присланныя святымъ отцомъ для христіанскихъ рыцарей, получивъ которыя мы переполнились радости и мужества.

Въ Бендинѣ, выѣхавши изъ Кракова въ день Вознесенія, мы застали ожидавшаго насъ графа Караффа, присланнаго императоромъ Леопольдомъ, который явился съ очень кислою миною не думая, вѣроятно, что король прибудетъ во время съ помощью. Разсказывали, что, заставши маркиза Даркена, который опередилъ короля, и обѣдая съ нимъ, когда тотъ ручался, что государь ѣдетъ, онъ отвѣчалъ недовѣрчиво и съ сомнѣніемъ.

— Да, говорятъ...

Но лицо итальянца просіяло, когда мы прибыли и онъ имѣлъ счастье обѣдать съ королемъ, долго разсказывая о несчастномъ положеніи столицы и совѣтуя, какъ лучше прогнать турокъ. Я не былъ тамъ во время этого разговора, но потомъ говорили, что онъ заклиналъ и молилъ, чтобы король поторопился, если не желаетъ смотрѣть на позорныя развалины. Императоръ, уходя изъ Вѣны и не будучи въ состояніи взять съ собою безчислен-

ныя сокровища, которыя тамъ собраны, болѣе безпокоился о возможности потерять ихъ, чѣмъ о паденіи столицы.

Было уже очень пора, королева разсталась съ ними въ Татранскихъ горахъ, и мы поспѣшили.

22 августа король, отправивъ впередъ пѣхоту, поѣхалъ вмѣстѣ съ императорскими комиссарами на смотръ войска, которое было блестящее. Заранѣ всѣхъ предупредили, чтобы выступили какъ можно лучше, чтобы не осрамиться передъ чужими, — и вышло такъ, что мы и сами на себя и другіе на насъ дивовались, съ такимъ богатствомъ и пышностью шли войска. Вообще, мы замѣтили, что на господъ комиссаревъ, какъ говорили они потомъ, войско произвело большое впечатлѣніе своимъ великолѣпіемъ.

За Гливицами мы совсѣмъ отдѣлились отъ нашей арміи, оставивъ ее за собою; король взялъ двадцать легкихъ полковъ нѣсколько сотъ драгунъ и двадцать гусаровъ, которые составляли при немъ стражу и ѣхали безъ коней. Едва мы вступили въ Силезію, какъ насъ встрѣтили разныя почести, дары, рѣчи, звонъ колоколовъ, привѣтствія и триумфы.

Вездѣ радовались по случаю нашего прибытія и всего у насъ было вдоволь — для кухни и для лошадей. Правда, по ночамъ наѣвшись до сыта и нанпившись часто слишкомъ въ веселой компаніи, приходилось ложиться подъ открытымъ небомъ, положивъ подъ голову сѣдло, но это ни во что не считалось. Когда выбирали гусаръ для королевской стражи, я почувствовалъ вѣкторую досаду, увидавъ между ними Налынча, но сдѣлалъ видъ, что я не узналъ и не замѣтилъ его. Онъ сильно добивался этой чести и это было не легко, такъ какъ назначили было Порковскаго, но тотъ заболѣлъ и уступилъ ему свое мѣсто. Однако, Налынчъ не много выигралъ этимъ, такъ какъ король былъ предпрежденъ и, разговаривая съ другими, даже и не взглянулъ на него. Хорунжій приписалъ это моему вліянію, но я ни въ чемъ не былъ виноватъ, такъ какъ не имѣя обыкновенія подставлять ногу врагамъ, я всегда нападаю прямо, если мнѣ приходится это дѣлать.

Мы шли все скорѣе и скорѣе по направленію къ Опавъ. Это былъ красивый, укрѣпленный городъ, въ которомъ мы немного отдохнули. Самъ король помѣстился въ ригѣ, на краю города. Миновавъ Ратиборъ, гдѣ насъ принимали по царски, мы отпра-

вились къ моравскимъ горамъ и дошли до Оломуна. Идти было трудно, но, несмотря на дороги, которыя были тяжелы для непривычныхъ людей и лошадей, мы не могли налюбоваться красотою мѣстности, которая была удивительно хороша.

Въ Олавѣ, какъ и на всемъ пути, короля осыпали привѣтствіями и я слышалъ, какъ онъ жаловался на эти вѣчныя торжества, для которыхъ онъ долженъ былъ одѣваться, какъ женихъ на свадьбу, и всюду вѣзжать съ помпою.

Много разъ мы падали духомъ и ободрялись, постоянно приходили къ королю гонцы, послы и письма, извѣщавшіе о движеніяхъ войска невѣрныхъ и Текели, который былъ съ нимъ за одно. То исчезали, то вырастали изъ земли татары и турки, то храбрые, то трусливые; чѣмъ ближе подходили мы къ Вѣнѣ, тѣмъ были осторожнѣе, чтобы не быть какъ нибудь застигнутыми врасплохъ. Страна была чудная, а такъ какъ мы шли въ осеннее время, когда все вырастаетъ и зрѣетъ, то виды были особенно прекрасны. Въ Брюнѣ моравскомъ мы были въ праздникъ, въ день Іоанна Крестителя, и присутствовали при богослуженіи, насколько позволили намъ время и силы. Самъ герцогъ Лотарингскій долженъ былъ встрѣтиться съ королемъ, чтобы поторопить насъ, какъ такъ турки дѣлались все опаснѣе, а комендантъ столицы австрійской, Штарембергъ, почти отчаявался въ благопріятномъ исходѣ. Враги подкапывались подъ городъ, дѣлали мины и угрожали городскимъ стѣнамъ. Со всѣхъ сторонъ шли войска на помощь; все подвигалось къ Вѣнѣ.

31 августа мы расположились обозомъ и только что начали ставить палатки, какъ намъ дали знать что ѣдетъ Лотарингскій герцогъ; въ то же время присоединился къ намъ полевой гетманъ, который шелъ низомъ по другой дорогѣ.

Король и герцогъ встрѣтились въ полѣ передъ войсками, вытянутыми, какъ передъ боемъ. Нашъ монархъ окружилъ себя такимъ великолѣпіемъ и былъ такъ величественъ, точно онъ родился на тронѣ. Герцогъ сошелъ съ коня на разстояніи двадцати шаговъ отъ нашего лагеря, король немного подождать и тоже сошелъ съ лошади; они встрѣтились очень дружелюбно и пошли вмѣстѣ къ лагерю. Я столько слышалъ объ этомъ государѣ, что удивился, когда увидѣлъ его невзрачную фигуру. Это былъ маленькій, толстенькій человѣкъ съ печальнымъ лицомъ, весь

изрытый оспою. Въ другой обстановкѣ его можно быть принять за войскового писаря: простое потертое платье, смятая шляпа безъ плюмажа, грязные сапоги. Съ нимъ пріѣхалъ Тальфъ, который былъ его посланникомъ въ Польшу и зналъ многихъ изъ нашихъ.

Наши придворные не могли надивиться и лошади и господину. у него была самая дрянная кляча, старое сплющенное сѣдло, простая уздѣчка и, вообще, никакой представительности. Король принялъ его очень любезно; наши въ одну минуту развели огонь, приготовили ѣду и достали вино. Государи пировали на славу. Я стоялъ тамъ, наблюдая за всѣмъ, и видѣлъ, что Тальфъ все удерживалъ отъ вина Лотарингскаго герцога, но король все-таки велѣлъ доливать бокалы, и гости немного охмѣляли. Такое началось веселье по случаю нашего прибытія, такъ они весело улыбались при видѣ войска и исполнились такой надежды и бодрости, что и мы ободрились. Каждую минуту раздавались въ палаткѣ виваты и тосты въ честь нашего короля, котораго называли спасителемъ и мессією, посланнымъ отъ Бога на спасеніе христіанства.

Наконецъ, наши гости уѣхали, выразивъ живѣйшую симпатію къ королю и королевичу; перваго герцога называлъ отцомъ, а второго братомъ. Это было уже послѣ вина, онъ желалъ говорить по польски, но и эти простые слова нужно было ему подсказывать.

Кто знавалъ прежде нашего короля, который началъ опускаться и нѣсколько отяжелѣлъ, теперь съ трудомъ узналъ бы его, — такъ онъ помолодѣлъ, такъ сдѣлался свѣжъ, веселъ и бодръ, и не удивительно, что чужіе были ослѣплены его величіемъ, когда даже мы, привыкшіе къ этому блеску, видѣли въ немъ другого человѣка. Онъ мѣнялся съ каждымъ днемъ. Быстрое передвиженіе, трудъ и безпокойства не только не утомляли его, но какъ будто ободряли и давали ему новыя силы. Онъ помнилъ о малѣйшей мелочи, не добдалъ, не досыпалъ, замучилъ людей, но самъ за то окрѣпъ.

Я никогда бы не повѣрилъ этому, если бы не видѣлъ своими глазами, какъ глубоко можетъ измѣнить человѣка великая мысль и какую можетъ придать ему силу. Лицо короля выражало какое-то пробужденіе, какъ будто вдохновеніе свыше.

По однимъ картамъ и описаніямъ онъ составилъ себѣ планъ

дѣйствій и, задолго до прибытія къ Вѣнѣ и до осмотра позиціи говорилъ о томъ, гдѣ онъ расположитъ лагерь, откуда будетъ атаковать непріятеля и часто заводилъ рѣчь о Каленбергѣ, такъ что всѣ удивлялись. Онъ ходилъ, говорилъ, приказывалъ, точно въ какомъ-то ясновидѣніи, не останавливаясь и не нуждаясь въ размышленіяхъ или въ поправкахъ.

Во время похода приходили разныя неожиданныя мысли, какъ бы приказанія свыше. Однажды, утромъ, я былъ въ той же палаткѣ, гдѣ онъ; вдругъ слышу, раздается его возгласъ:

— Я одинъ!... Есть тутъ кто нибудь?

Я полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Вижу, король одѣвается.

— Слушай, Мрочекъ,— сказалъ онъ: ты человѣкъ честный и уже вѣрно не промотаешь мои христіанскія деньги и не захочешь ими пользоваться. Тебѣ я могу это поручить. Видѣлъ ты, половина людей въ войскѣ идетъ безъ копій и пикъ, а запасныхъ совсѣмъ нѣтъ! Безъ этого нельзя и шагу ступить. Вотъ тебѣ деньги, мы послѣ сочтемся. Иди прямо или въ сторону, какъ хочешь, только достань мнѣ столько копій и пикъ, чтобы былъ запасъ для войска. Пусть они получаютъ это отъ своего государя, сами они на чужой сторонѣ объ этомъ не позаботятся. Ты человѣкъ молодой и умѣлый, я поручаю тебѣ это дѣло, а ты сдѣлай все, какъ слѣдуетъ. Сколько турокъ переколятъ эти пики и копья, столько разъ ты заслужишь передъ Господомъ Богомъ, а также и передо мною.

Онъ поручилъ мнѣ это дѣло, и я работалъ изо всѣхъ силъ, а работа была не легкая! Каждый разъ, какъ мы выдались съ королемъ, онъ заставлялъ меня рассказывать, сколько было припасено копій и гдѣ и какъ я доставалъ ихъ. Эти копья сослужили мнѣ большую службу; король еще больше полюбилъ меня, и дѣла мои пошли самымъ лучшимъ образомъ.

Какъ только узнали въ войскѣ, что король покушаетъ на свой счетъ копья, чтобы раздавать тѣмъ, у кого нѣтъ, явились разные господа изъ гусаръ и даже изъ латниковъ и говорятъ мнѣ: «Купи у насъ копья, вѣдь тебѣ все равно». Но я понималъ въ чемъ дѣло, а также и то, что было бы противъ совѣсти покупать то, что уже было, вмѣсто того, чтобы доставить еще, какъ хотѣлъ король. Поэтому я не согласился, хотя на меня и сердились, но королю не сказалъ объ этомъ ни слова.

Не знаю, кто и какъ разсказалъ ему эту исторію. На третій день онъ зоветъ меня къ себѣ и даетъ мнѣ кошелекъ съ деньгами.

— Возьми это отъ меня, — сказалъ онъ: — я тебя люблю! Это за тѣ копыя, которыхъ ты не хотѣлъ покупать у тѣхъ молодцевъ. У тебя есть совѣсть...

Это дѣло все больше и больше сближало меня съ королемъ.

Мы пришли уже къ Тульму и начали строить мостъ для переправы, когда насъ догналъ посланный отъ королевы, привезшій письма съ родины, было такое множество и залежавшихся, и старыхъ, и новыхъ, что ихъ разносили въ корзинахъ и раздавали по полкамъ; почти каждый получилъ что-нибудь. Я тоже получилъ письмо отъ пана Яцка. Онъ не писалъ ничего особеннаго; меня поразило только то, что онъ длинно распространялся о томъ, чтобы я не вѣрилъ всякимъ слухамъ, что у насъ все по-старому.

Въ войскѣ только и было разговоровъ, что о письмахъ. У того кто нибудь умеръ, у другого родился; тотъ плакалъ, другой смѣялся, третій дѣлился чѣмъ Богъ послалъ.

Вечеромъ я пошелъ въ палатку къ своимъ землякамъ, но попалъ несчастливо. За бочкою, которая служила столомъ, сидѣлъ Налынчъ. Увидавши меня, онъ повернулся въ мою сторону. Избѣгать его было неловко. По поводу дѣла съ королевскими копыями, меня стали звать паномъ копьевщикомъ. Хорунжій сейчасъ же воскликнулъ:

— Кланяюсь пану копьевщику! кланяюсь! кланяюсь! Выпьете съ нами вина?

— Только не слишкомъ много, — сказалъ я.

Я сѣлъ съ ними. Они жужжали, какъ пчелы въ ульѣ, каждый о своемъ. Всякій вспоминалъ свой домъ, семью, друзей и родныхъ.

Битва и смерть были очень близко, многіе предчувствовали свой конецъ, а потому разговоръ былъ грустный. Много было шуму, смѣху, вздоховъ и проклятій; и всѣ мы такъ живо вспомнили свою сторону, что, можно сказать, забыли, гдѣ мы были и зачѣмъ шли, а также и то, что скоро придется подставить лбы, а, можетъ быть, сложить свои кости на чужой сторонѣ. То тотъ, то другой начиналъ говорить и всѣ мы внимательно слушали. Вдругъ громко заговорилъ хорунжій:

— У меня тоже большая радость. Мнѣ пишутъ, что дома все хорошо; особенно же радъ я тому, что мы отдаемъ сестру въ такой домъ, который не унизитъ нашего имени. Кто-то перебилъ его:

— Панна Елена выходитъ за мужъ?

— Да, — сказалъ онъ: — передъ рождественскимъ постомъ будетъ ея свадьба съ паномъ Стадницкимъ изъ Жмиграда изъ тѣхъ славныхъ Стадницкихъ, которые считаются одною изъ нашихъ первыхъ фамилій. Чего же больше желать? Она добра, хороша собою, женихъ молодой, красивый, родня самая знатная. Надо благодарить Бога за то, что намъ удалось переломить ея упрямство, а то она было послушалась старой ханжи Опольской, которая нашла и сосватала ей какого-то замарашку.

Услыхавъ это, я было не выдержалъ, но Добровольскій, который сидѣлъ около меня, удержалъ меня. Хорунжій же, видя что я молчу, продолжалъ:

— Плохо бы пришлось Налынчамъ, если бы ихъ дѣвицы шли замужъ за бездомныхъ бѣдняковъ. Я всталъ съ мѣста и крикнулъ:

— Лжешь, панъ хорунжій!

Онъ схватился за саблю, но его удержали за руки, потому что начинать ссору подъ бокомъ у короля и въ военное время было опасно.

— Лжешь, — повторилъ я, — и безчестишь такого же благороднаго шляхтича, какъ и ты. Ястребецъ то же самое, что и Налынчъ, только еще старше и лучше. Я же совсѣмъ не такой бѣднякъ и бездомный, какъ ты говоришь. Еще разъ говорю тебѣ въ глаза: лжешь! Если хочешь со мною сразиться, я готовъ, только послѣ войны, пѣшкомъ или верхомъ и какимъ угодно оружіемъ.

И я вышелъ изъ палатки, дрожа отъ гнѣва. Меня поразило то, что онъ сказалъ о Стадницкомъ, но я все-таки не повѣрилъ ему. Такъ какъ король посылалъ письмо въ Татранскія горы, откуда наши почты шли дальше черезъ разставленныхъ драбантовъ, я написалъ обо всемъ случившемся и пану Яцку, и Опольской, и Еленѣ. Я узналъ послѣ, что когда я вышелъ изъ палатки, то всѣ, какіе были тамъ Ястребцы, а ихъ вездѣ много, гдѣ только есть польская шляхта, всѣ, какъ есть, напали на

Налынча, что около десятка изъ нихъ вызвали его на дуэль, а Нововойскій поклялся, что Ястребцы будутъ до тѣхъ поръ бить его, пока не заклюютъ, какъ воробья. И такъ онъ, по своей глупости, заварилъ такую кашу, что не зналъ, какъ и расхлебать ее, такъ какъ оскорбилъ не меня одного, а цѣлый родъ.

На другой день король всталъ до свѣта. Его очень беспокоилъ мостъ, который не навели во время, зная о нашемъ приходѣ. Онъ увидалъ меня за палаткою и поманилъ къ себѣ:

— А, пожалуйста-ка сюда, — сказалъ онъ: — вы что тамъ за ссоры завели? А?

— Я, государь? — сказалъ я: — никакихъ.

— Вы что же это опять связались съ этимъ дуракомъ Налынчемъ?

Я рассказалъ все, какъ было, дословно. Король слушалъ меня.

— Государь, — заключилъ я: — что же я былъ бы за человекъ, если бы позволялъ кому бы то ни было порочить честь нашей крови. Притомъ я не начиналъ ссоры. Я избѣгаю Налынча и не задѣваю его, но для своего покоя, какъ бы онъ ни былъ мнѣ пріятенъ, я не могу позволять, чтобы меня оскорбляли.

— Только безъ ссоръ, — отвѣчалъ король: — когда придетъ время, вы можете драться, сколько угодно, но я думаю, что у него пройдетъ охота къ этому, потому что я тоже надеру ему уши.

— Государь, — сказалъ я: — если я заслужилъ хотя каплю расположенія вашего королевскаго величества, то я прошу и умоляю васъ не дѣлать ничего, чтобы онъ не подумалъ, будто я вамъ жаловался.

— Ну, хорошо, пусть будетъ такъ, — сказалъ король: — только помни: безъ ссоръ! Иностранцы смотрятъ на насъ со всѣхъ сторонъ, пусть лучше наше мужество и запальчивость обратятся на невѣрныхъ. Этого желаетъ самъ Богъ, Который послалъ насъ сюда.

Около моста подъ Тульмомъ, откуда оставалось всего нѣсколько миль до Вѣны, пришлось спать до тѣхъ поръ, пока не навели трехъ мостовъ для переправы всего войска, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ Дунай перерѣзанъ двумя островами. И было съ этимъ довольно хлопотъ: пятьсотъ драгунъ и полторы тысячи пѣхоты торопились строить этотъ мостъ и ихъ было не слишкомъ много. Король самъ смотрѣлъ за работами; въ то же время

начались военные совѣты и всѣ мы удивлялись ослѣпленію ту-роковъ и великаго визиря, который могъ бы, если не остановить, то хотя задержать и отвлечь нашъ походъ, имѣя въ распоряженіи такія огромныя силы. Но онъ не послалъ впередъ ни одного человѣка и не подалъ признаковъ жизни. Въ этомъ ослѣпленіи враговъ мы видѣли Божію руку. Почти до самой Вѣны мы не видѣли непріятеля.

Говорятъ, что когда Текели далъ имъ знать о нашемъ походѣ, они не хотѣли ничему вѣрить, смѣялись и считали это обманомъ.

Во время постройки моста прибылъ къ королю изъ замка графа Ардека курфюрстъ Саксонскій. Мы очень интересовались этимъ государемъ, но онъ произвелъ на насъ мало впечатлѣнія. Онъ былъ средняго роста, довольно толстый, съ короткими, вьющимися волосами, съ большою бородою, лѣтъ около сорока. Платье на немъ было красное, съ галунами. Онъ казался очень простымъ и разсѣяннымъ человѣкомъ. Герцогъ Лотарингскій, генералъ Капраза и другіе принадлежали къ военному совѣту.

Шестого сентября мы начали переправляться черезъ Дунай: сначала главный гетманъ, потомъ остальные. Въ тотъ же день дворъ и остальное войско остановились на одномъ изъ острововъ, на другомъ берегу Дуная. Мы пробыли тамъ 7 и 8 сентября, пока не переправилось все войско, за которымъ послѣдовалъ и курфюрстъ Баварскій со своими людьми.

За Дунаемъ начались высокія горы и незнакомыя дороги, по которымъ мы разошлись и разсыпались во всѣ стороны. Турки могли бы насъ всѣхъ перебить, если бы у нихъ была хотя искра разума и они бы поменьше надѣялись на своего пророка. Но правду говорить старая пословица, что если Богъ хочетъ наказать человѣка, то прежде всего отнимаетъ у него разумъ.

Наши войска шли ущельями почти до самой Вѣны, нигдѣ не встрѣчая невѣрныхъ. Раза два видѣли наши ихъ погонщиковъ, спокойно пасущихъ воловъ, но они убѣгали, не показавши даже оружія. Когда шла наша пѣхота, которую велъ Денгофъ, она напала на горсть татаръ; дѣло было въ мрачной долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Наши думали, что будетъ битва, началось движеніе; но предводитель татаръ подѣхалъ къ Денгофу, не вынимая оружія изъ ноженъ и не дотрогиваясь до

лука, и спросилъ его ломанымъ языкомъ, кто тѣ люди, которыхъ онъ ведетъ. Тотъ отвѣчалъ ему, что они принадлежатъ къ войску, которымъ предводительствуетъ самъ король. Татаринъ засмѣялся, махнулъ рукою и воскликнулъ:

— Вы думаете, будто мы не знаемъ, сколько васъ пришло съ Любомірскимъ помогать нѣмцамъ? Всего какая-нибудь горсточка.

И онъ медленно повернулъ назадъ, вовсе не думая драться. Наши тоже не нападали на него, отчасти потому, что были очень удивлены, отчасти потому, что не могли развернуться и не были приготовлены, хотя, конечно, ни одна душа не могла бы выйти оттуда.

Какъ мы шли дальше, трудно и рассказать. Намъ направляла рука Божія, такъ какъ проводниковъ доставать было трудно. Иногда дворъ такъ отставалъ отъ войска, которое разсыпалось въ горахъ, что мы не знали, въ какой сторонѣ ихъ искать, но увидимъ, бывало, изъ-за пригорка коня гусаръ и знаемъ, что они идутъ впереди насъ. Тутъ только я узналъ, что за конь былъ Пиладъ. Точно будто онъ родился въ горахъ и отлично знакомъ съ ними: не было такой тропинки, по которой бы онъ не пробрался съ такимъ умѣньемъ, точно онъ одаренъ человѣческимъ разумомъ. Я только радовался, а другіе, у которыхъ лошади падали и изранивали себѣ ноги, не могли надивиться моему коню. Я началъ пускать его вольно, бросивъ поводья; такъ какъ онъ управлялъ собою лучше, чѣмъ я; онъ, видимо, наслаждался этою свободою и начиналъ шалить: то сорветъ губами нѣсколько листьевъ, то задѣнетъ за вѣтку, а въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ ставилъ ноги такъ осторожно и разсудительно, что пріятно было на него смотрѣть. Другіе страшно бились со своими лошадьми, нѣкоторые попадали съ горъ и вывихивали себѣ шею, а за ними летѣла и кладь. Въ одномъ мѣстѣ мы ѣхали въ чащѣ, по какой-то тропинкѣ, и пріѣхали къ узкому, глубокому оврагу, на днѣ котораго протекала рѣчка; оба берега были очень высоки, разстояніе отъ одного до другого было локтей въ пять. Всѣ остановились надъ этимъ оврагомъ, такъ какъ спуститься внизъ было невозможно: бока оврага были крутые, какъ стѣны, всѣ обросли кустарникомъ и вездѣ торчали терновникъ и сухія вѣтки. Всѣ начали поворачивать влѣво и вправо

и искать болѣе удобныхъ мѣстъ. Я подѣхалъ къ самому краю обрыва и не зналъ, что дѣлать, пустилъ вожжи и смотрю, какъ другіе, ворча, разсыпались въ разныя стороны. Не успѣлъ я оглянуться, какъ конь подобралъ ноги, вытянулъ шею, да какъ прыгнетъ,—такъ я и очутился на другомъ берегу, только камни и песокъ посыпались. Скажу откровенно, что этотъ неожиданный скачекъ чуть не вышибъ меня изъ сѣдла, хорошо, что у меня не было вожжей, а то я бы рванулся и тогда конецъ: оба мы полетѣли бы въ оврагъ.

Всѣ заговорили въ одинъ голосъ, что во всемъ войскѣ не было коня, равнаго Пиладу.

Но не время было разговаривать о коняхъ теперь, когда всѣ мысли были заняты близкою борьбою съ непріятелемъ, результатомъ нашего похода и нашимъ тяжелымъ положеніемъ. Можно сказать, что одинъ король не упалъ духомъ и не потерялъ своей бодрости, которая росла въ немъ съ каждымъ часомъ. Онъ сильно похудѣлъ и въ тѣлѣ, и въ лицѣ, но глаза его горѣли юношескимъ огнемъ. Никто изъ насъ не могъ съ нимъ тягаться. Я часто спалъ у его палатки и стоялъ у дверей, ожидая, что я могу быть нуженъ, и помню, какъ я съ трудомъ удерживался отъ сна, а король не смыкалъ глазъ и совсѣмъ не казался усталымъ. Отъ него шли во всѣ стороны приказы, такъ какъ при немъ, какъ при главномъ вождѣ, состояли люди, назначенные ординарцами отъ всѣхъ войскъ; много времени отнимали письма и распоряженія, а также безпрестанныя посѣщенія государей, графовъ, вождей и всякихъ иностранцевъ, волонтеровъ и кавалеровъ, жаждущихъ получить военную славу и поучиться рыцарской наукѣ при такомъ великомъ вождѣ. Однажды, еще прежде, чѣмъ мы прошли эти несчастныя горы, разнесся слухъ, что ѣдетъ самъ императоръ, чтобы привѣтствовать нашего короля; но это было, очевидно, сочинено только для того, чтобы показать его готовность дѣйствовать, а на самомъ дѣлѣ онъ боялся двинуться съ мѣста, да и не зачѣмъ было ему это дѣлать, онъ бы ничего не могъ измѣнить и только бы помѣшалъ бы намъ. Прибавилось бы съ нимъ церемоній и народа, пришлось за нимъ ухаживать, а самое дѣло только бы проиграло отъ этого.

Съ ужаснымъ трудомъ взобралися мы на гору Калембергъ

при неслыханномъ вѣтрѣ, который дулъ намъ прямо въ лицо, такъ что мѣстами людямъ трудно было удержаться на лошадяхъ. А такъ какъ мы уже приближались къ тому мѣсту, гдѣ, должна была рѣшиться наша судьба, гдѣ были несмѣтныя силы невѣрныхъ, то мы на каждомъ шагу и почти нечаянно забирали плѣнныхъ и бродягъ изъ турецкаго войска, а также ихъ скотъ и лошадей. Мы узнали отъ татаръ только то, что про насъ ничего и не подозрѣвали. Больше всего боялся король того, что турки отступятъ прежде, чѣмъ мы придемъ и попробуемъ на нихъ наши сабли. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ визирь особенно желалъ взять городъ и вѣрить въ свои силы, какъ будто никто въ мірѣ не можетъ его побѣдить.

Передъ тѣмъ, какъ подниматься на послѣднюю гору, король остановился и отдохнулъ у ея подножія. Насъ увѣряли, что мы прошли уже всѣ трудныя мѣста и что отъ вершины Калемберга до самой Вѣны войско можетъ легко и удобно спуститься по отлогому холму между виноградниками. Но и это оказалось потомъ невѣрнымъ.

Наше войско пошло направо, а швабы, саксонцы, баварцы и другіе — налѣво; къ ночи открылся передъ нами видъ на весь городъ и на лагерь визиря, который раскинулся страшно далеко и казался намъ другимъ городомъ. Тамъ, среди пестрыхъ шатровъ и палатокъ, видѣлись золотыя полумѣсяцы, великолѣпныя украшенія и множество знаменъ. Все это лежало у насъ подъ ногами, какъ муравейникъ, такихъ громадныхъ размѣровъ, что когда мы сосчитали, сколько могло быть тамъ людей, то даже ужаснулись. Король горѣлъ такимъ нетерпѣніемъ, что только тогда и вздохнулъ свободно, когда увидалъ это зрѣлище; онъ остановился, какъ вкопанный, и, казалось, молился въ душѣ. Съ нимъ говорили, онъ не отвѣчалъ на вопросы. Онъ стоялъ долго, потомъ, точно очнувшись отъ сна, сказалъ гетману:

— Насъ обманули. Никто не говорилъ намъ прежде объ этой горѣ направо, а спускъ гораздо хуже, чѣмъ рассказывали. Придется измѣнять весь боевой порядокъ.

Потомъ онъ осѣнилъ сверху крестнымъ знаменіемъ всѣ свои безчисленныя войска и повернулъ коня.

Наше войско разсыпалось по лѣсамъ на добрыя полмили,

такъ какъ идти можно было только по тропинкамъ, Король велѣлъ разбить свой шатеръ на открытомъ мѣстѣ, съ правой стороны, у самого края; съ нимъ была пѣхота. Полки окружили, какъ лагерь, лошадыми и повозками и поставили тутъ же нѣсколько пушекъ, которыя пришли во время. Конница, драгуны, гусары, латники и «пятигорцы» размѣстились въ лѣсу, какъ кто могъ, рассчитывая какъ бы на насъ не напали при такомъ безпорядкѣ.

Король не могъ успокоиться до поздней ночи. Онъ осматривалъ мѣстность, посылалъ приказы и все повторялъ:

— Ну, что за славные турки, какъ они насъ поддерживали! Я только того и боялся, что они уйдутъ отъ меня. Благодарю Бога, что онъ удержалъ ихъ.

Вѣрно, немногіе заснули въ эту ночь, такъ какъ почти все время стрѣляли изъ пушекъ и трескъ и гулъ были страшные; нѣкоторые, несмотря на усталость, не могли спать отъ любопытства и безпокойства о завтрашнемъ днѣ. Сначала въ лагерь было мало огней, изъ опасенія, чтобы насъ не открыли до времени, но ночью король велѣлъ нарубить дровъ и сложить нѣсколько большихъ костровъ, чтобы они были видны изъ Вѣны и ободрили осажденныхъ. У этихъ огней наканунѣ битвы разыгралось много такихъ сценъ, которыя и описать трудно. Натуры и характеры людей разнообразны и никогда это не выражается такъ ясно, какъ въ такія минуты, когда люди выходятъ изъ рамокъ обыденной жизни, менѣе наблюдаютъ за собою и держать себя вольнѣе. Такъ и здѣсь, передъ великою битвою, выразились всевозможные характеры. Всѣ по-своему предсказывали, угадывали, мечтали и готовились къ наступающему дню.

Меня король послалъ на развѣдку и приказалъ, чтобы я медленно объѣхалъ весь лагерь, разузналъ объ общемъ настроеніи и отдалъ отчетъ о томъ, что дѣлается въ войскѣ, какъ себя чувствуютъ и на что надѣются воины. Я провелъ почти всю ночь, развѣзжая отъ одного костра къ другому и ободряя воиновъ: съ одними смѣялся, съ другими ссорился. Никогда не забуду я этой ночи на Калембергѣ. Молодежь, по обыкновенію, горячилась, болѣе отважные люди не довѣряли и задумывались, вообще же духъ былъ самый лучшій, но онъ исхо-

диль отъ короля. Всѣ видѣли, какъ онъ шелъ и какимъ торжествомъ сіяло его лицо.

Здѣсь я долженъ разсказать то, чему мало кто вѣритъ, хотя я видѣлъ это своими глазами такъ же, какъ и многіе въ войскѣ; это чудесный случай. Когда мы входили въ моравскія горы, надъ тою группою, гдѣ былъ и я при особѣ короля, поднялся огромный орелъ; онъ взлетѣлъ невысоко и провожалъ насъ до самаго Калемберга, то поднимаясь, то опускаясь, опиывая круги почти надъ самою головою короля. Объ этомъ тоже немало говорили у костровъ. Много было разговоровъ, шутокъ, смѣха и закладовъ. Я подѣхалъ къ одной группѣ, гдѣ былъ Снятынскій, изъ полка князя-воеводы, воинъ, какихъ мало, уже старый воробей. Онъ пекъ себѣ какую-то птичку, ощипавъ ее, и надѣвъ на пруть боярышника, а самъ былъ мрачнѣе ночи. Мы поздоровались.

— Что вы блуждаете, какъ призракъ?—спросилъ онъ меня.

— Съ королевскимъ приказомъ.

— Это другое дѣло.

— Что это вы, какъ будто, не въ своей тарелкѣ? Какая-нибудь непріятность?

— Что мнѣ дѣлается,—сказалъ онъ со смѣхомъ:—кожа здоровая, не болитъ, кости тоже твердыя, мяса у меня нѣтъ, а душа привыкла къ опасностямъ.

— Такъ что же вы такъ задумались?

— Нѣтъ, я только передъ битвою самъ себѣ исповѣдуюсь, а это не можетъ быть особенно весело, когда переберешь всю свою жизнь да вспомнишь, сколько осталось за тобою труповъ.

На другой день Сятынскаго уже не было въ живыхъ. Я поѣхалъ дальше. Однихъ я засталъ за молитвою, другихъ просто за разговорами, и много было шума и смѣха. У одного изъ костровъ были связанные турки, которымъ дали въ насмѣшку свинины и напоили ихъ виномъ, и они съ непривычки сейчасъ же опьянѣли.

Я доѣхалъ уже почти до вѣмцевъ, когда приближалъ ко мнѣ Луковский, говоря, что кто-то желаетъ со мною говорить. Подѣзжаю, вижу, сидитъ на плохой лошадекѣ не то татаринъ, не то нашъ пастухъ, съ загорѣлымъ лицомъ, и говоритъ мнѣ, что-то ломанымъ языкомъ, какъ будто по-польски, но такъ

неясно, что я ничего не могу понять. Я подъѣхалъ ближе, онъ показаль мнѣ знакомъ, что ему нужно поговорить со мною наединѣ.

— А что у васъ за особенная любовь ко мнѣ? Развѣ вы меня знаете?—спросилъ я.

— Вѣдь вы изъ придворныхъ, отъ короля?—сказаль онъ.

— Да, отъ короля. А вамъ что нужно?

— Поговорить.

Языкъ у него какъ-то развязался и онъ началъ говорить гораздо лучше. Я подумаль: „Пусть ѣдетъ!“ и говорю ему:

— Ступайте за мною.

И мы поѣхали назадъ къ королевскимъ шатрамъ, пробираясь черезъ кусты мимо костровъ. Я велъ его, какъ какого-нибудь плѣнника, а такъ какъ онъ былъ похожъ на чорта, то всѣ на него смотрѣли съ удивленіемъ. Наконецъ, мы добрались до шатровъ; я сошелъ съ коня и отдалъ его Гжесю, чтобы идти къ королю, и опять спросилъ своего спутника, чего онъ хочетъ. Онъ опять свое:

— Къ королю.

— Стой же,—сказаль я,—и жди. А какъ мнѣ доложить о тебѣ?

Онъ подошелъ ко мнѣ такъ близко, точно хотѣлъ откусить у меня ухо, и зашепталъ:

— Скажите, отъ хана, отъ хана, мирзы Махмедъ-Абдула. Король меня знаетъ. Скажите ему, что я былъ подъ Хотиномъ.

Тогда я пошелъ въ шатеръ. Только-что кончился послѣдній военный совѣтъ. Я засталъ короля въ раздумьи надъ картою, но не печальнаго, а, напротивъ, бодрого. Онъ обернулся въ мою сторону.

— Ну, что?

Я началъ разсказывать все, что я видѣлъ и слышалъ, и, наконецъ, заговорилъ о татаринѣ. Король такъ и вздрогнулъ.

— Гдѣ онъ?

— У шатра.

Онъ минуту подумаль.

— Давай мнѣ его сюда.

Я пошелъ къ татарину и привелъ его. Никого не было, король велѣлъ мнѣ стать у дверей.

— Слушай,—сказалъ онъ,—что-бы съ тобою ни дѣлали, не рассказывай того, что здѣсь будетъ. Понимаешь?

Мнѣ не нужно было повторять это два раза. Мирза вошелъ съ поклономъ, молча, смотря на короля, какъ на солнце; король долго и пристально смотрѣлъ на него.

— Вы что здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ, наконецъ, какъ бы оправившись отъ волненія, которое выражалось на его лицѣ.

Татаринъ стоялъ, опустивши голову, и смотрѣлъ исподлобья съ недобримъ видомъ. Онъ заговорилъ съ трудомъ, но потомъ разошелся и говорилъ по-польски все свободнѣе и свободнѣе.

— Мы должны помогать своимъ,—сказалъ онъ,—мы идемъ съ Кара-Мустафою за знаменемъ пророка. Я скорѣе могу спросить васъ, король: что вы здѣсь дѣлаете? Вѣдь это не ваша земля.

— Это дѣло нашего Бога,—отвѣтилъ король,—онъ послалъ меня сюда.

Татаринъ замолкъ на минуту.

— Такъ и мы должны встрѣтиться съ вами? — спросилъ онъ: — мы, старые враги и старые друзья ваши? Давно уже многіе изъ нашихъ братьевъ поселились въ вашей землѣ и имъ хорошо у васъ. Вы были съ ними гостепріимны, какъ братья. Мы должны съ вами драться, но не рады этому. Вы даете намъ подарки и мы спокойны за вашими границами. Зачѣмъ же наша и ваша кровь будетъ литься изъ-за чужого спора?

Король молчалъ. Спустя минуту, онъ заговорилъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Приближается часъ, когда рука Божія разсудитъ насъ съ вами. Не время говорить. Зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Я пришелъ къ вамъ такъ, какъ я приходилъ подъ Хотиномъ, съ протянутою рукою, — сказалъ татаринъ, — мы не хотимъ и не будемъ съ вами биться. Ханъ присылаетъ меня привѣтствовать васъ и сказать: миръ вамъ! Не нападайте на насъ и мы отступимъ безъ боя.

— Ты хочешь, чтобы я вѣрилъ тебѣ?—спросилъ король: — а что мнѣ поручкою, что слова твои не обманъ?